

Лана
ЛЕГКАЯ

СЫН
на выходные
НАВСЕГДА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лана Легкая

Сын (на выходные) навсегда

<https://litres.ru/74599874>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Это твой сын, — сообщает бывшая.

Кажется, я выпил слишком много, потому что слышу откровенный бред. У меня нет и не было детей.

— Что? — пытаюсь перекричать музыку.

— Это твой сын! — повторяет она громко, ставит люльку на барную стойку, разворачивается и уходит.

— Ты больная? — ору вслед. — Ребенку не место в ночном клубе! Что мне с ним делать?!

— Воспитывай, ты же отец. Кстати, его зовут Даниэль.

Моя жизнь превратилась в ад. Бессонные ночи, полный завал на работе, разбитая машина и помощница-катастрофа, которая выводит меня из себя с первого взгляда. А в центре этого хаоса маленький мальчишка, и я понятия не имею, как быть отцом.

Содержание

Глава 1. Егор	4
Глава 2. Злата	20
Глава 3. Злата	34
Глава 4. Егор	43
Глава 5. Злата	52
Глава 6. Егор	58
Глава 7. Злата	68
Глава 8. Егор	79
Глава 9. Злата	87
Глава 10. Злата	97
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Лана Легкая

Сын (на выходные)

навсегда

Глава 1. Егор

Бас бил прямо в грудную клетку, световые лучи метались по залу, люди в масках и нелепых костюмах смеялись, орали, чокались бокалами и пытались танцевать.

Корпоратив — лучшее место, чтобы окончательно потерять уважение к коллегам.

Слегка прихрамывая, я дошел до барной стойки и оперся локтем о холодный мрамор. Черная рубашка, жилет, кожаный ремень, высокие сапоги и пиратская повязка на глаз, которую я снял через десять минут, потому что даже для меня это был перебор.

В руке трость. Не то чтобы она была жизненно необходима — этот этап я уже завершил — но к костюму пирата подходила идеально.

Хромой пират. Звучит правдоподобно.

Наследие аварии, нескольких операций и неудачной попытки судьбы закончить мою биографию в тринадцать. С тех пор я хромаю. Не сильно, но достаточно, чтобы незнакомые

люди сначала замечали походку, а потом меня.

Я присел на высокий стул.

— Виски, — сказал бармену.

Справа от меня материализовался Вадим, коллега — юрист по корпоративному праву и по совместительству главный источник непристойных шуток на работе.

На нем была маска дьявола и красный пиджак.

— Кузьмин, — сказал он, — что это за вариант для бедных на тебе? Ты грабил только пенсионные фонды?

— Я юрист, — ответил я. — Мы грабим всех.

Бармен поставил стакан. Я сделал глоток.

— Ты хромаешь даже в костюме, — заметил Вадим.

— Это моя фишка. Вызываю жалость у судей.

— А у женщин?

— У женщин это вызывает желание накормить меня борщом и познакомить с мамой.

— Так ты же не против.

— Я против мам.

Он заржал и стукнул своим бокалом о мой. Мы некоторое время молча смотрели на танцпол, где партнеры фирмы танцевали так, словно проиграли спор.

— Кстати, — сказал Вадим, — ты видел новую помощницу из кадров?

— Нет.

— Ноги.

— У многих людей есть ноги.

— Нет, ты не понял. Ноги. М-м-м.

Я сделал еще глоток.

— Вадим, у тебя высшее образование. Попробуй формулировать мысли точнее.

— Длинные, — сказал он. — И взгляд такой... как будто она заранее знает, сколько алиментов ты будешь ей платить.

— Тогда держись от нее подальше, — сказал я.

— Я и держусь. Слишком умная.

Мы снова чокнулись. Музыка сменилась. Я собирался заказать второй стакан, когда рядом со мной кто-то остановился. Знакомый запах духов заставил обернуться. За спиной была бывшая. Не изменилась. Красивая стерва. С ней я хапнул много проблем. Мы расстались... Черт, да давно расстались. Несколько месяцев назад. Что она здесь делает?

— Саша? — сказал я.

Вадим заинтересованно притих.

— Привет, Егор.

— Ты что тут делаешь?

— Искала тебя.

Она поставила что-то на барную стойку. Я сначала не понял, что именно. Потому что мозг был занят более важным: попыткой вспомнить, не обещал ли я что-то сделать и забыл. Но потом увидел детскую люльку.

— Что это?

— Это твой сын, — сказала она.

Я сначала решил, что ослышался.

— Что? — переспросил.

Она наклонилась к моему уху и повторила громче:

— Это твой сын!

Вадим подавился виски.

— Это какая-то шутка? — хмыкнул я, привстал и заглянул в переноску. Внутри реально лежал ребенок.

Живой ребенок в крошечной зеленой шапке и с крепко сжатыми кулаками. При каждом ударе басов он вздрагивал и кривился.

— Кажется, я выпил слишком много, — сказал я медленно. — Потому что слышу откровенный бред. У меня нет и не было детей.

— Есть, — Саша забрала из рук Вадима бокал, приторно улыбнувшись, и одним глотком выпила содержимое.

— Нет. У меня нет детей.

— Есть. В то время, когда забеременела, я спала только с тобой.

— И с мужем, — напомнил я.

— Это не Олег, — скривилась она и подтолкнула люльку ко мне.

Мать вашу, она собралась его оставить здесь!

— Ты больная? — зарычал я, когда Саша повернулась ко мне спиной. — Ребенку не место в ночном клубе!

Несколько человек у бара начали оглядываться.

— Что мне с ним делать?!

— Воспитывай, — сказала она спокойно. — Ты же отец.

Я вскочил со стула, но бывшая нырнула в толпу и затерялась, я только пару раз заметил ее светлую макушку.

— Вот это су-у-учка! — восхитился Вадим.

— Ты дол***б? — рыкнул я. — Нравятся такие качели — забирай, — я подтолкнул люльку к нему.

Он вскинул руки и попятился.

— Нет, друг, я в твоё дерьмо не полезу.

— Вот и закрой рот, — я подхватил переноску и стал пробираться к выходу.

Музыка била по ушам, люди толпились у бара, кто-то танцевал прямо в проходе. С люлькой в руках маневрировать между ними было примерно так же удобно, как на костылях.

— Дорогу, — процедил я, толкая плечом эльфа.

Он возмущенно оглянулся, но, увидев ношу, отступил. Ребенок внутри тихо сопел, иногда дергаясь от басов.

— Спи-спи, малец, — пробормотал я. — Потому что я не знаю, что с тобой делать.

У входа было ещё хуже. Половина офиса — курильщики.

— Пропустите и счастливого Нового года, — огрызнулся я и вывалился на улицу.

Холод ударил в лицо. Снег скрипел под сапогами, воздух пах выхлопом и морозом. Я быстро осмотрел парковку перед клубом. Несколько машин отъезжали, и среди них два такси. Но Саши уже не было. У выезда как раз мелькнули задние фары.

— Твою же мать... — прошипел я.

Я пробежал пару метров, словно мог догнать автомобиль на своих двоих, и быстро понял, насколько это идиотская идея. Начал шарить в поисках телефона по карманам. Естественно, телефон выскользнул из мокрых от волнения пальцев и полетел прямо в снег.

— Бл***ь!

Я выругался сквозь зубы и осторожно поставил люльку на асфальт. Ребенок тихо всхлипнул.

— Спокойно, — пробормотал я. — Сейчас разберемся с твоей идиоткой-матерью.

Я поднял телефон, стряхнул с него снег и вытер о рукав. Быстро нашел нужный контакт и слушал гудки.

— Ну давай, — процедил сквозь зубы

Ребенок завозился, раскачивая переноску.

— Только попробуй не взять трубку, Саша, — продолжал шипеть. — Клянусь, я тебя найду и прикончу!

— Да, — услышал женский голос.

— Тебе ответить в рифму? Какого черта происходит?!

— А что происходит? — вместе с голосом из динамика лилась классическая музыка. — Сын остается в выходные с отцом. Ничего особенного.

— Бл***ь, Саш, ты че несешь?

— Егор, — выдохнула она. — Нужно нести ответственность за свои поступки. Разве ты не знал: если спать с женщиной, то она может забеременеть?

— Я предохранялся!

Казалось, голова сейчас лопнет.

— Плохо предохранялся. Все. Пока. Не трать время, тебе еще в магазин нужно заехать, купить смесь и подгузники. Не теряй, в выходные я буду недоступна, — и сбросила вызов.

Я бросил взгляд на экран и тут же нажал повторный вызов. Гудки. Один. Второй. Третий.

— Давай... давай... — процедил сквозь зубы, чувствуя, как внутри начинает закипать злость.

Телефон замолчал. Бывшая сбросила вызов!

Я уставился на экран.

— Серьезно? — тихо спросил в пустоту.

Снова нажал вызов. На этот раз даже гудков не было.

— Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети, — сообщил женский голос.

— Конечно, — усмехнулся я зло.

Я провел рукой по лицу, выдохнул и огляделся. Парковка была почти битком, перевел взгляд на свою машину. Идея сесть за руль мелькнула и сразу же умерла. Я выпил, и не чуть-чуть. Плюс... я опустил взгляд на люльку. Из меня сейчас был максимально херовый водитель.

Ребенок зашевелился, переноска пришла в движение. А если он сейчас устроит истерику?! Я склонился в тот момент, когда маленькое лицо скривилось, детские губы задрожали.

— Эй... эй, спокойно... — я слегка покачал люльку. Она закрипела по снегу. — Давай договоримся, — пробормотал я. — Ты не кричишь, а я верну тебя матери.

Ребенок, конечно, наплевал на мои слова и захныкал. Я выпрямился, вновь огляделся в поисках помощи. Понятно, что никто не собирался мне подсказывать, как выбраться из этого пиздеца.

— Тише. Тише. Тише, — взял люльку и стал раскачивать, пока второй рукой пытался открыть приложение такси. Пальцы подрагивали, скорее всего, от нервов — холода я не чувствовал. Наоборот, меня жарило так, что, казалось, от кожи сейчас повалит пар.

Вбил адрес бывшей и ждал, когда найдется машина. Приложение показывало, что ожидание три минуты.

Ребенок уже откровенно захныкал. Может, замерз? Да вроде тепло одет. Хочет есть? Да что я вообще гадаю?! Это не мое дело, нужно как можно быстрее вернуть пацана Саше и не забивать себе голову. Идиотка! Это надо же додуматься привезти ребенка в ночной клуб и сказать, что он мой сын.

Я опустил взгляд на ребенка, вглядываясь в черты лица. Да ничего непонятно. Курносый нос, пухлые губы. Ребенок как тысячи других детей. Я приподнял шапочку и посмотрел на цвет волос. Темные. Как у меня. Да нет. Бред! Этот пацан не мог быть моим. Мы всегда предохранялись. Всегда. Неужели я попал в эти пять процентов?..

Малец всхлипнул.

— Только не кричи, — сказал я, сильнее раскачивая люльку. — Пожалуйста.

На въезде показали фары.

— Сейчас поедem к твоей матери, — сказал я. — И я очень надеюсь, что она будет дома.

Я перехватил люльку поудобнее и направился к машине, распахнув заднюю дверь.

— Сюда можно? — бросил водителю.

Тот обернулся, окинул взглядом меня, потом люльку, задержался на секунду, но ничего не сказал.

— Садитесь.

Я устроился на заднем сиденье, поставил переноску рядом и придержал рукой. Машина тронулась. В салоне было тепло. Слишком тепло после улицы. Стекла слегка запотели, радио тихо бубнило. Я перевел взгляд на пацана, и тут меня как обдали кипятком. А что, если эта дура реально его оставила на меня?!

Малец глубоко вздохнул, поерзал и... уснул.

Водитель хмыкнул.

— Мелкие все засыпают в машине.

Я ничего не ответил. Откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза на секунду. И меня накрыло.

Что, если бывшей нет дома?!

Что, если она реально свалила?!

Я снова посмотрел на ребенка. Скривился.

— Бред какой-то...

Растер руками лицо.

Я ведь не хотел идти на корпоратив. Жопой чувствовал, что не нужно. Не ждал ничего хорошего от попойки с кол-

лективом. Но точно не ожидал подобного.

— Приехали, — сказал водитель.

Я расплатился, подхватил люльку и вышел. Набрал код на двери, поднялся на нужный этаж, чувствуя, как раздражение снова начинает закипать.

Остановился перед дверью и, втянув воздух, нажал на звонок. Тишина. Нажал еще раз. И еще.

— Саша! — рявкнул я, стуча кулаком. — Открывай! Открывай! — лупил со всей силы, отбивая костяшки.

Долбанутая! Отбитая дура!

Я не мог представить, что кто-то оставит своего ребенка и свалит в закат. Это в голове не укладывалось. А как же материнский инстинкт, в конце концов? Да вообще хоть капля логики и адекватности. Это ведь не тот случай, когда женщина последний хрен без соли доедала и не могла содержать ребенка. Сашу нельзя было назвать нуждающейся. Не представляю, чтобы нормальная мать так поступила.

Я сжал челюсти до скрипа зубов. В голове шумело не хуже, чем в клубе. И вдруг щелкнуло. Сестра!

Я замер, уставившись на дверь. Она бы так не поступила. Никогда. После смерти родителей именно она вытянула меня. Сама. Никогда не жалуясь и не упрекая меня. А я тогда был подростком: злым, потерянным и упрямым. Она тащила нас двоих как могла. Работала, ругалась со мной, мирилась, снова ругалась... но ни разу не дала почувствовать, что я лишний груз. И уж точно она бы не оставила своего ребен-

ка.

Я опустил взгляд на люльку. Малец спал. Ему вообще плевать, в каком аду я сейчас варюсь.

Как бы эгоистично ни звучало, но сейчас я вновь нуждался в помощи Есении. Она не задаст лишних вопросов. Нет, задаст. Но точно поможет. Других вариантов у меня не было. Вообще никаких.

Я резко развернулся и направился к лестнице. Спустился, не чувствуя ступенек под ногами. Дверь подъезда толкнул ногой и сбавил темп.

У подъезда машина с мигалками и двое в форме у входа. М-да. Удивительно бдительные соседи, но, когда дойдет до реального случая криминала, хрен ты от них что добьешься.

— Ваш ребенок? — прилетает мне в лоб.

Полицейские переглянулись. Один подошел, внимательно рассматривая меня, потом заглянул в люльку.

— Откуда идете? — спросил спокойно, но уже с тем самым оттенком, который я прекрасно знал. Профессиональный интерес.

— Из квартиры, — ответил я, не моргнув.

— Номер?

Я назвал.

— Мать ребенка где? — продолжил первый.

— Дома, — коротко бросил я. — Спит. Или в душе. Не знаю, я вышел.

Пауза.

Они явно не поверили.

— А почему вы так выглядите? — взгляд скользнул по моему пиратскому комплекту.

Я усмехнулся.

— Это запрещено законом?

— Нет, — ответил тот же ровно. — Но выглядит необычно.

— Приближается Новый год, — пожал я плечами. — Корпоратив. Бывшей не понравилось, что я не занимаюсь ребенком, вот и устроила мне истерику. Пришлось ехать и забирать.

Он кивнул, но взгляд не смягчился.

— Пройдемте, — сказал второй. — Покажете мать ребенка.

— А в чем, собственно, проблема? — поинтересовался я.
— Что-то случилось? Я что-то сделал не так?

— Да нет.

— Тогда в чем дело?

— Поступил звонок. Мужчина, похожий по описанию на вас, буянил в подъезде.

— Ну вы же видите, что я веду себя адекватно. Сейчас вызову такси и поеду домой.

— А ребенок?

— И ребенок поедет со мной.

— Но все же мы бы хотели услышать подтверждение от

матери ребенка, что она отдала его вам добровольно. Документов-то у вас с собой точно нет?

Примерно такой развязки я и ожидал.

— Как видите.

— Ну вот.

— Поднимемся?

— Поднимемся, — выдохнул я. — Сейчас я ей позвоню, — сказал, доставая телефон. — Она не любит, когда к ней приходят без предупреждения.

— Звоните, — кивнул первый.

Я опустил взгляд на экран. Открыл контакты и набрал номер единственного, кто мог меня спасти.

— Да? — раздался слегка хриплый голос.

Я облегченно выдохнул.

— Вячеслав Львович, добрый вечер.

— Егор? — в голосе сразу появилась настороженность. — Что случилось?

Я коротко взглянул на полицейских.

— Экстренно нужна ваша помощь, — сказал я ровно. — Меня сейчас отвезут в четвертое отделение.

— Причина? — сухо спросил он.

Я скосил взгляд на люльку.

— Длинная история, — сказал я. — Но очень похожая на статью 126 УК РФ с отягчающими.

Тишина в трубке продлилась не дольше секунды.

— Я понял. Не дергайся. Ничего не подписывай, но ты это

и сам знаешь. Я сейчас подъеду.

— Спасибо, — сбросил вызов. Я убрал телефон в карман и поднял взгляд на полицейских. — Поехали, — сказал спокойно. — Будем разбираться. Чего тянуть.

Они переглянулись. Видимо, ожидали сопротивления или хотя бы попытки соскочить. Но я не видел смысла дергать-ся. Чем быстрее разберемся с этим цирком, тем быстрее я выберусь.

— Пройдемте, — кивнул один из них.

Я перехватил люльку поудобнее и направился к машине. Малец внутри тихо сопел, не подозревая, что через какие-то двадцать минут впервые окажется в отделении. Хотя с такой матерью, возможно, это будет и не первое посещение.

Меня усадили на заднее сиденье. Люльку я поставил рядом, придерживал рукой.

— Отличное начало жизни, — пробормотал я, глядя на пацана.

В салоне было темно, только синие отблески периодически пробегали по стеклам.

Я откинулся на спинку и прикрыл глаза.

— Фамилия, имя, отчество, — прозвучало спереди.

— Кузьмин Егор Алексеевич.

— Дата рождения?

Я ответил.

— Документы при себе?

— В машине. На парковке у клуба.

— Ясно, — коротко отозвался тот. — Значит, задерживаем до выяснения личности.

Я усмехнулся.

— Без проблем, — пробормотал, взглянув на ребенка. Он иногда дергал рукой, морщился, но не просыпался. Надеюсь, так будет и в ближайшие пару часов. Сомневаюсь, что мне удастся освободиться раньше.

А так перспективы были самые плачевные — от шести до пятнадцати, если бывшая не объявится или объявится и решит, что меня нужно хорошенько наказать. Но тут против нее сыграют десятки гостей клуба, которые видели, как она оставила мне пацана, и записи с камер. Мозг начал активно работать, моментально избавившись от алкоголя. Никогда я еще так быстро не трезвел.

Машина остановилась у серого неприветливого здания, и меня провели внутрь.

Стандартная процедура: фамилия, имя, адрес, место работы. Один из полицейских печатал на старой клавиатуре, пока второй пытался разговорить меня. Я отвечал коротко, отсекая все лишнее. Время тянулось вязко. К удивлению, пацан крепко спал. Я несколько раз опускал на него взгляд, проверяя, дышит ли, расстегнул молнию комбинезона, когда он раскраснелся от жары и явно хотел устроить истерику. Спасло только покачивание люльки.

Когда дверь наконец открылась и я услышал знакомый голос, задница приобрела форму стула, став абсолютно ров-

ной. Нам дали несколько минут переговорить, и уже дальше Сизов решал проблему по своим каналам.

Когда его снова пустили ко мне, я хотел услышать что-то обнадеживающее. Но и тут мне не повезло. Не мой день сегодня. Определенно не мой.

— Ты знаешь, на кого оформлен ребенок? И я говорю не про мать.

— Знаю, — не стал отрицать, почувствовав фантомную боль в области переносицы.

Вариант того, что придется звонить этому человеку, в моей голове мелькал. Но как же я надеялся обойтись без этого.

Глава 2. Злата

Впервые за неделю моей работы он задерживался. Я стояла посреди приемной, прислушиваясь к тишине офиса, и ловила себя на странном ощущении, словно меня оставили одну в чужой квартире.

Кузьмин Егор Алексеевич — прочла информирующую табличку на открытой двери приемной. Мой начальник. И человек, из-за которого моя сестра больше не встает с кровати. Я медленно выдохнула и посмотрела на дверь его кабинета.

Закрыта, но не на ключ. Что не могло не радовать. Я толкнула створку, она бесшумно открылась.

В кабинете пахло дорогим мужским одеколоном. Внутри было аккуратно и строго. Никакого хаоса. Папки выровнены, стол чистый, бумаги разложены параллельно краю столешницы.

Меня это раздражало. Никогда не любила педантов. Я прошла внутрь, закрыла за собой дверь и на секунду замерла. — Спокойно, — прошептала себе под нос. — Ты не для этого прошла три собеседования, чтобы сейчас начать нервничать.

Подошла к столу и открыла первый ящик. Ручки, блокноты, какие-то стикеры. Ничего, что могло бы мне помочь. Во втором документы. Я быстро пробежалась глазами по стан-

дартным договорам, искам. Третий закрыт. Я дернула ручку сильнее. Бесполезно. А вот это уже интересно. За замком точно должно храниться что-то важное и, надеюсь, компрометирующее. А где может быть ключ? Я присела на корточки и дернула ручку четвертого ящика. Очередной секрет адвоката Кузьмина.

— Где ты прячешь ключи, Егорка?.. — пробормотала я.

Поднялась, огляделась. Кабинет выглядел стерильным. Никаких лишних деталей. Никаких подсказок. Я подошла к шкафу. Папки. Еще папки. Архив. Все по датам, по категориям. Идеальный порядок. Я захлопнула дверцу и повернулась к столу, на котором стоял закрытый ноутбук. Я крадучись подошла, провела пальцами по хромированной крышке и открыла.

Экран загорелся и потребовал от меня пароль. Перед тем, как сесть в кресло, я прислушалась. Тишина. Сегодня определенно мне сопутствует удача. Я положила пальцы на клавиатуру. Странное ощущение. Будто я вторгаюсь не просто в рабочее пространство, а в голову человека, которого ненавижу. Попробовала первое, что пришло в голову. 123456.

— Ладно, ты не идиот, — пробормотала я.

Дата рождения?

Нет.

Фамилия?

Нет.

Комбинации с именем?

Нет.

Я прикусила губу.

— Ну давай... у тебя же должно быть что-то банальное... Попробовала еще пару вариантов.

Экран оставался безразличным к моим попыткам. Как и сам Кузьмин в суде, когда зачитывал свою речь. Когда говорил про смягчающие обстоятельства. Когда добился условного срока. Когда моя сестра... Я резко отдернула руки от клавиатуры. В груди сжалось. Перед глазами на секунду всплыло лицо Веры. Бледное и совершенно безрадостное. И коляска. Чертова коляска. Я сжала пальцы в кулак.

— Спокойно, — тихо сказала, не разрешая себе плакать. Снова посмотрела на экран. — Ничего, — прошептала. — Я тебя вскрою. Так или иначе.

Отвлек звонок. Я дернулась, будто меня поймали с поличным, и резко закрыла ноутбук. Сердце на секунду ушло куда-то в пятки, и по спине скатилась капелька пота. Телефон в приемной продолжал настойчиво трезвонить.

— Черт, — выдохнула я и поспешно вышла из кабинета, аккуратно прикрыв за собой дверь. Только бы он ничего не заметил. Я схватила трубку.

— Приемная Кузьмина, — сказала максимально спокойно.

— Добрый день. Егор Алексеевич на месте? — уточнил напряженный мужской голос.

— Нет, — ответила я. — Его сейчас нет в офисе.

— Свяжитесь с ним, пожалуйста. Это срочно. Очень срочно. Пусть перезвонит.

— Я передам.

— Не передадите, а свяжитесь. Это важно, — мужчина продиктовал свои данные и отключился.

Можно было забыть, но я устроилась сюда, чтобы уничтожить Кузьмина. По-настоящему. Как он это сделал с жизнью моей сестры.

Я взяла мобильный и набрала номер мужчины. Гудок, и сразу механический голос: «Абонент сейчас разговаривает».

Я перезвонила, но результат был тем же. Еще раз. И еще.

— Ну и любитель же вы поболтать, — фыркнула я.

Неужели не видит, что я обрываю его телефон? Я собиралась набрать снова, когда услышала быстрые, неровные шаги. Мужчина ввалился в приемную, дверь с грохотом ударилась о стену.

— Добрый день, — поздоровалась я, но не дождалась реакции.

Выглядел он, мягко говоря, странно. Глаза красные, лицо напряженное, волосы чуть растрепаны. Дышит тяжело и шумно, словно бежал по лестнице.

А, ну конечно, корпоратив. Надо же так перебрать, что и за выходные не отошел.

— Егор Алексеевич, — тут же сказала я, — вам звонили. Просили срочно перезвонить.

Он даже не посмотрел на меня. Прошел мимо.

Я опешила.

— Егор Алексеевич?

Ноль реакции. Он зашел в кабинет, сел за стол и почти сразу вытащил из кармана ключ. Тот самый! Я замерла в дверях, наблюдая, как он открывал третий ящик, достал блокнот и начал листать.

— Вам нужно перезвонить, — сказала громче. — Клиент просил срочно.

Он отмахнулся от меня как от мухи!

Я зашла со спины мужчины и попыталась заглянуть в блокнот. Бесполезно. Его почерк... Это даже почерком назвать было сложно. Какие-то резкие, рваные линии, сокращения, стрелки, непонятные символы.

— Вы серьезно это понимаете? — не удержалась я.

Он перевернул страницу. Еще одну. Еще. Я пыталась уловить хоть слово.

Пф-ф-ф. Ни-че-го. Он освоил утерянную письменность инков?

— У нас из семейных кто-то сейчас на месте?

— Эм, — протянула я. — Я не так давно работаю и не знаю, у кого есть семьи, а у...

Он поднял на меня злющий взгляд и рывкнул:

— Злата, включи голову! Мне нужен свободный семейный адвокат, — прошептала я на грани слышимости, передразнивая мужчину, разумеется, повернувшись к нему спиной.

— Быстро! — рявкнул он.

— Конечно. Сейчас уточню, — ответила я уже нормальным рабочим тоном, хотя внутри все кипело.

Развернулась и почти бегом пошла к своему столу. Компьютер. Внутренний чат. Список сотрудников. Пальцы быстро пробежались по клавиатуре: «Кто сейчас в офисе из семейных? Срочно».

Ответ пришел практически сразу.

«Киреева. В кабинете. Сейчас свободна».

Я выдохнула с облегчением.

— Есть, — сказала я, оборачиваясь. Кузьмин не стал ждать за столом и навис надо мной. — Киреева, кабинет справа по коридору после...

— В курсе! — не дал договорить, обрывая на полуслове.

Он даже не дослушал до конца! Вскочил, словно кто-то воткнул в его подтянутый зад цыганскую иглу. И вылетел из приемной.

— Егор Алексеевич! — я побежала за ним, вспомнив про настойчивую просьбу клиента перезвонить.

Он шел по коридору быстрым неровным шагом, чуть заваливаясь на левую сторону.

— Что мне говорить, если вас будут искать? — выпалила я. — А если клиент снова позвонит? А если?..

Ноль реакции.

— Егор Алексеевич!

Ни одной эмоции в мою сторону.

Он даже не обернулся. Просто дошел до нужной двери, распахнул ее и ввалился внутрь. Дверь с грохотом ударилась о стену и осталась приоткрытой.

Я остановилась в коридоре. Осмотрелась. Сделала шаг. Еще один. И замерла.

На войне, как говорится, все средства хороши. Возможно, у меня получится узнать, какая муха его укусила. И использовать эту букашку в своих целях...

— ...Мне нужен срочный разбор, — голос Кузьмина был резкий и тихий. — По ребенку.

Пауза.

— В смысле по ребенку? — удивленно переспросила у него женщина.

— В прямом, — отрезал он. — Мне его оставили.

Я нахмурилась.

Что?..

— Егор, ты сейчас серьезно?

— Абсолютно.

Мой слух обострился до предела. Я слышала звук стула, который небрежно передвинули, шаркая ножками по полу.

— Чей ребенок? — Киреева начала что-то печатать.

— Предположительно мой.

«Предположительно», — фыркнула я про себя. А что еще хотела от такого циничного человека, который любит лишь деньги?

— Предположительно? — а вот в голосе Киреевой про-

звучал откровенный интерес. — Ты сам не уверен?

— Нет.

Я замерла, даже дышать перестала.

— Так, подожди, — она, кажется, поднялась. — Тебе просто принесли ребенка?

— Да, бывшая. В ночной клуб, — я не была уверена, что правильно расслышала его последние слова.

Даже прижала ладонь ко рту. Серьезно?.. Так бывает и в реальной жизни?

— Ты издеваешься?

Киреева, кажется, была согласна с моими мысленными доводами.

— Хотел бы, — коротко бросил Егор. — У меня нет ни документов, ни подтверждений. Его мать исчезла. Телефон выключен. Сейчас ребенок у отца.

— Ты меня путаешь, — Киреева его перебила, немного визгливо повысив голос. — У ребенка есть отец?

И я была с ней согласна. Он и меня путал. В голове шумело от возбуждения. Я уставилась в щель между дверью и косяком, молясь, чтобы в коридоре сейчас никто не появился и не поймал меня за откровенным подслушиванием.

— Есть. Но только по бумагам. Полиция пацана передала ему. По факту он не отец.

Ну ничего себе интересная личная жизнь. Мама бы была в восторге от подобной мыльной оперы.

— И что ты хочешь от меня? — в щелку я прекрасно ви-

дела лицо Киреевой. Сказать, что она была в шоке, ничего не сказать.

— Если подтвердится, что ребенок мой, — Кузьмин стоял, вцепившись пальцами в спинку стула. Даже отсюда я видела, как сильно они побелели. — Я хочу лишить эту дуру родительских прав.

Очередная пауза, которую заполняли мои нелюбимые мысли. Этот козел хотел отобрать у матери ребенка!

— Ладно, — вздохнула Киреева. — Значит, так. Первое — нужно установить отцовство. Второе — юридически закрепить передачу ребенка. Иначе...

— Я в курсе, — перебил он, нервно взмахнув рукой.

От его жеста я отпрянула от шелки, вновь прижимаясь спиной к стене, обратившись в слух.

Я слышала, как Егор Алексеевич нервно ходит по кабинету.

— Мне нужно, чтобы это было оформлено правильно. Максимально быстро. И без лишнего шума.

— С этим могут быть проблемы, — осторожно заметила она. — Особенно если мать вернется и будет качать права.

— Пусть попробует, — произнес он жестоко.

Я поежилась.

— Егор... Ты же понимаешь, какая это ответственность? — тише добавила Киреева. — Дело даже не в суде. Это ребенок. Он требует невероятного количества ресурсов, сил и времени.

— Я уже понял, — глухо ответил Кузьмин. — Но я хочу забрать его! Если он мой, конечно же.

— Допустим. В таком случае придется потрудиться.

— У меня десятки свидетелей, что бывшая принесла малолетнего в ночной клуб, — заявил он.

Кажется, я все же не ослышалась. Действительно речь про ночной клуб.

— Этого мало.

— Я найду еще доказательства.

— Найдешь. Приходи. А пока удостоверься в отцовстве.

— Займусь сегодня же. И этот разговор только между нами.

— Мог бы и не говорить.

Поняв, что беседа закончена, я шустро отбежала в сторону, делая вид, что ждала Кузьмина в коридоре, а не под дверью кабинета.

Я успела отступить к окну и сделать вид, что сосредоточенно изучаю что-то в телефоне. Сердце колотилось до звона в ушах: от услышанного, от адреналина и от того, насколько близко я сейчас была к чужой тайне.

Мужчина прошел мимо, не замедлив шага. Его лицо стало еще жестче, чем при появлении на работе. Сжатые губы, взгляд в одну точку. Я пошла следом.

В приемной он сразу направился в кабинет, снова сел за стол и несколько минут смотрел прямо перед собой. А я не знала, жалеть или все же злорадствовать. Егор Алексеевич

открыл блокнот, снова пролистал несколько страниц, сделал пару быстрых пометок все тем же неразборчивым почерком и замер.

Ни одного слова. Ни одного взгляда в мою сторону.

Что мне делать? Как-то напомнить о себе? А зачем? Все же как удачно сложились обстоятельства. Не зря говорят, что карма существует. Я только что убедилась в этом на собственном опыте. Когда я проходила собеседования, желая устроиться в юридическую фирму, что защищала урода, который сбил мою сестру, я и не смела надеяться на удачу. Думала, придется ждать, искать, потратить месяцы на месть. А оказалось все намного проще.

Я заставлю его почувствовать хотя бы часть того, что чувствовала моя сестра, когда водителю зачитали приговор и он почти не понес наказания. Что такое лишение прав на три года по сравнению с разрушенной жизнью?! А компенсация, что назначил суд, просто насмешка. Ее едва хватило на реабилитацию после операции.

И вот оно. Его слабое место!

Я сглотнула. Мысли закрутились еще быстрее. Если наберусь терпения, то смогу разрушить его карьеру до основания, показав подлую натуру человека, который привык решать все в свою пользу.

Мужчина продолжал сидеть за столом, уткнувшись в блокнот, но я видела — он не читает. Взгляд стоит на месте. Он думает. Так же, как и я. Только у нас разные цели.

Я медленно выдохнула. Если подойти правильно... Если втереться в доверие... Если стать полезной... Я смогу оказаться ближе, чем любой из его коллег. Уголки моих губ заметно дрогнули. И вместо злости я почувствовала настоящий азарт. Я точно смогу уничтожить человека, который за деньги готов обелить самого дьявола.

— Егор Алексеевич, так что делать со звонком от клиента? — спросила я.

Он посмотрел на меня исподлобья.

— Важный звонок, — мягко напомнила.

— Передай кому-то другому.

— Но это ваш клиент, как я...

— Злата! — рявкнул он, прерывая меня. — Извинись перед клиентом и передай дело свободному юристу, — отчеканил со злостью, вновь вскочил на ноги, провернул ключ в замке и вышел из кабинета, подхватив пальто. — Я что, должен объяснить азы?!

— Нет, но!.. — я хотела остановить мужчину, но заметила блокнот, что остался лежать на столе.

Дверь захлопнулась. Шаги быстро удалились по коридору. Я замерла. Взгляд прикован к столу. Секунда. Вторая. Третья. Я не дышала, прислушиваясь к привычным звукам офиса. В коридоре тишина. Сердце снова ускорилося.

— Это твой шанс, — прошептала я едва слышно. Осмотрелась и крадучись шла. Рука сама потянулась и взяла блокнот. Я сглотнула и быстро открыла первую попавшуюся стра-

ницу. Округлила глаза, потом прищурилась, чуть вытянула руку, стараясь понять написанное. Перевернула страницу. Если судить по цифрам и неразборчивым каракулям слева, в основном это были телефонные номера. Какие-то пометки, даты, стрелки.

— И чего ты ожидала? — пробормотала сама себе. — Что он тут пишет «Беру деньги и спасаю убийц»?

Глупо. Он же не дурак. Моральный урод, но точно не дурак. Такие, как он, не оставляют следов. Я перевернула еще несколько страниц. И замерла. Эта страница отличалась от других. На ней были короткие записи. Похоже на пароли? Комбинации цифр и букв. Рядом с каждой комбинацией две-три буквы.

А вот это действительно интересно. Я попыталась сопоставить. К чему это? Почта? Система? Личные аккаунты? Ничего не сходилось. Ни одной понятной подсказки.

— А если... — с мысли меня сбили шаги. Я вздрогнула. Схватила первую попавшуюся папку со стола и накрыла ею блокнот, тут же вылетев из кабинета в приемную.

Щеки горели. Кислород свистел в легких. Я успела сунуть блокнот в сумочку и положить папку на стол, когда дверь открылась.

— О, — протянул мужчина, оглядывая меня. — Новенькая. Добрый день.

— Добрый, — ответила я, выдавив из себя улыбку.

— Вадим, — представился он. — Пират на месте?

— Что?

— Егор Алексеевич на месте? — уточнил визитер, обли-
зав меня взглядом.

— Ушел.

— И оставил тебя одну? — усмехнулся он. — Смело. Я
бы не оставил такое золотце без присмотра. Как тебя зовут?
Я заняла свое место и сухо ответила:

— Злата.

— Я же говорю — золотце. Выпьем кофе? Обеденный пе-
рерыв, — он показал на дорогие часы на своем запястье. —
Твой начальник не будет ругаться.

— Я не пью кофе с женатыми, — ответила я, заметив об-
ручальное кольцо.

Мужчина фыркнул, тут же его снял и убрал в карман
брюк.

— Оп, и я холост. Бутафория для клиентов. Колечко рас-
полагает и делает меня благонадежнее.

Я холодно посмотрела на него.

— Извините, я работаю.

— Жаль. Но я люблю принципиальных.

Глава 3. Злата

Я закрыла дверь, отрезая себя от обычных вечерних разговоров, и наконец осталась одна. Щелкнула настольной лампой. За окном уже давно стемнело, стекло отражало только меня и кровать, на которой лежал блокнот. Да, я взяла его домой, чтобы спокойно изучить. Горжусь ли я своим поступком? Очень сложно ответить на этот вопрос. Если рассматривать его отдельно — он отвратителен. Если в совокупности тех факторов, что меня подтолкнули, — я все сделала правильно.

Я остановилась у кровати и несколько секунд просто смотрела, слушая удары собственного сердца. Слишком долго я искала хоть какую-то ниточку и слишком много поставила на кон, прекрасно понимая последствия.

Я медленно села, поджав под себя ноги, и провела пальцами по обложке. Открыла и сразу потянулась за телефоном. Экран загорелся холодным светом, разрезая полумрак комнаты. Щелчок. Еще один. Я фотографировала страницы с комбинациями цифр, букв и обрывков слов. Странные, не складывающиеся в систему. Но внутри было ощущение, что это важно.

Пароли? Доступы? Ключи? К чему — пока непонятно.

Я увеличивала снимки, пыталась разобрать пометки рядом, но почерк Кузьмина оставался таким же резким и рва-

ным. Говорят, так бывает у людей с высоким интеллектом. Как будто он специально делал его нечитаемым. Я перевернула страницу. Снова щелчок. Номера. Фамилии. Я фотографировала машинально, не до конца понимая зачем и не имея права упустить ни одной детали.

«И что ты с этим будешь делать?..» — мелькнула мысль.

Пока ничего. Но это уже больше, чем у меня было вчера. Я остановилась. Палец замер над страницей. Я смогла разобрать фамилию, и она была мне знакома. Нахмурилась, наклонилась, вчитываясь. Сердце дернулось. Это не могло быть случайностью! Я быстро сфотографировала страницу и тут же взяла телефон. Пальцы сами набрали номер и сохранили его. Мессенджеры. Один. Второй. Третий. Я искала тот, на котором будет фотография и имя профиля.

— Беляев Артем Сергеевич, — произнесла я себе под нос.

Я увеличила фотографию. Сомнений не было. Тот же человек, которого я видела на сайте клиники. Тот, к кому мы с мамой пытались попасть уже несколько месяцев. Тот, кто не брал новых пациентов.

Его номер телефона — настоящий шанс. Чудо! Если он ответит и согласится хотя бы посмотреть Веру... Я не имею права упустить возможность. Я потянулась к экрану, чтобы написать сообщение, когда за спиной тихо скрипнула дверь.

— Ты почему не спишь? — спросила я у Веры.

Она аккуратно заехала в комнату и остановилась. Здесь негде было развернуться. Крохотная площадь, хоть и мини-

мум мебели.

Свет из коридора лег на ее лицо.

— А ты? — поинтересовалась она, наблюдая за тем, как я убираю блокнот в сумку.

— Готовлюсь к работе.

— А мне просто не хочется. Мама с папой ссорятся за стенкой, а я слышу.

— Может, это телевизор?

— Злат, ну я уже не маленькая, — она закатывает глаза. — Заплетешь мне косички? Хочу завтра походить с кудрявыми волосами.

— Давай, — я развернула коляску. — Расческу взяла?

— Угу.

Я аккуратно провела расческой по волосам Веры. Медленно, чтобы случайно не дернуть. Ее волосы были мягкими, послушными. Раньше она терпеть не могла, когда я ее заплетала, ворчала, крутилась, сбегала. Теперь сидела тихо. Я разделила пряди, пальцы работали автоматически, а мысли уносились совсем в другое место. К номеру Беляева. Сейчас писать уже было поздно. И сообщение можно проигнорировать. Оставить без ответа или забыть. А вот звонок — это другое. Я аккуратно перехватила прядь. Я позвоню и скажу, что номер мне дал Кузьмин. Это не совсем ложь и не совсем правда. Но звучит убедительно. А главное — открывает двери.

Я закончила одну косу, начала вторую. Если он согласится

хотя бы на консультацию. Если просто посмотрит выписки и документы, этого уже будет достаточно. Я закрепила резинку и провела ладонью по волосам, разглаживая выбившиеся пряди. Отвезла сестру в комнату и помогла перебраться на кровать, укрыла одеялом, поправила подушку.

— Спокойной ночи, — сказала я тихо.

Утро началось раньше обычного. Я пришла в офис одной из первых, чтобы незаметно вернуть блокнот до появления Егора Алексеевича. Я прошла в пустой кабинет и аккуратно положила его на стол, ровно туда, где он лежал вчера.

Поправила, выравнивая по краю, и вышла в приемную.

Сегодня Кузьмин пришел без опозданий. Дверь открылась резко, я подняла голову, вспомнив, что решила быть максимально полезной и приветливой.

— Доброе утро, Егор Алексеевич, — сказала я, тепло улыбнувшись.

Он коротко кивнул, снял пальто, бросил его на спинку кресла и прошел в кабинет. Как будто меня здесь не было.

— Кофе будете? — спросила, остановившись у двери.

Мимолетный оценивающий взгляд.

— Да.

Я быстро приготовила кофе и вернулась.

Поставила чашку на стол. И, прежде чем отойти, слегка коснулась его руки.

Мужчина напрягся, замер. Переключил внимание с ноут-

бука на меня и отчеканил:

— Если ты рассчитываешь на скорое повышение, — произнес он ровно, — то это не тот способ, которым его добиваются.

Улыбка на моем лице не дрогнула. Я по крайней мере надеялась на это, потому что внутри полыхало огнем.

— Я просто хотела быть вежливой, — ответила я спокойно.

Он усмехнулся.

— Тогда ограничься работой.

Ничего, я найду к нему подход.

Я вышла в приемную, прикрыла дверь и позволила себе выдохнуть. Внутри неприятно кольнуло. Обида? Странно. Мне ведь было плевать на него. На его мнение, на его холодный взгляд, на этот снисходительный тон, будто Егор Алексеевич заранее все про меня понял и уже сделал выводы. Но удар по самолюбию точно был. Любую женщину заденет, если ее отвергнут. Даже если это делает человек, которого ты терпеть не можешь. Даже если этот человек — Кузьмин. Я опустилась в кресло, но взгляд сам собой потянулся к приоткрытой двери его кабинета.

Он сидел за столом. Склонился к ноутбуку, пальцы быстро двигались по клавиатуре. Лицо сосредоточенное, без единой эмоции. Словно я не стояла сейчас рядом с ним и не пытаюсь понять, с какой стороны к нему подступить. Я для него не значительней фруктовой мушки, что надоедливо ле-

тает вокруг. Отмахнулся и забыл.

Я продолжила изучать. Слишком молодой и слишком уверенный в себе. Невольно скользнула взглядом по крупной мужской фигуре. Такие должности не получают просто так. Точно не в двадцать семь.

Я откинулась на спинку кресла, сцепила пальцы, продолжая вглядываться в крупноватые черты лица.

Ему помогли деньги, связи, фамилия? Что-то одно из трех или же совокупность факторов. Я почти не сомневалась, что за ним стояли влиятельные родители. Люди, которые могли открыть любые двери, убрать любые препятствия, протолкнуть вперед, когда другим приходилось годами пробиваться.

Такие, как он, не попадают наверх случайно. Им просто подставляют удобную лесенку, и остается лишь переставлять ноги. Любой дурак справится.

Ничего. Посмотрим, каким он будет, когда потеряет контроль над своей жизнью. Когда у него начнут рушиться идеально выстроенные планы. Когда появится что-то, что он не сможет просчитать.

Я так увлеклась своими мыслями, что не сразу заметила, как в приемной появились люди. Я вздрогнула и резко выпрямилась. Передо мной женщина. Красивая, ухоженная, с аккуратным макияжем и идеально уложенными волосами. На руках у нее был ребенок месяцев шести. Рядом стояла девочка лет десяти-одиннадцати.

— Добрый день, — мягко поздоровалась женщина. — У

меня назначена встреча с Егором Алексеевичем.

— Да, секунду, — ответила, смотря в записи.

— Можете не проверять, — произнесла она с абсолютным спокойствием, — у нас личная договоренность, — обернулась к девочке. — Посиди здесь, хорошо? Я быстро.

Та кивнула и молча села на диван, достав из кармана куртки телефон. Я проводила взглядом женщину. Она не постучала. Открыла дверь и вошла в кабинет, заставляя меня подняться, склониться над столом и вытянуть шею.

Женщина прошла прямо к столу Кузьмина, я видела это сквозь щель, и передала ему ребенка.

У меня перехватило дыхание. Не зря внутри щелкнула интуиция. Это была она!

Женщина вернулась и произнесла перед тем, как плотно закрыть дверь:

— У папы Егора сейчас нет времени, — сказала она с небольшим раздражением, — увидитесь в выходные.

Девочка, сидя на диване, недовольно сморщила лицо и продолжила кому-то строчить сообщения.

Тишина в приемной стала неприятной. Я медленно перевела взгляд на ребенка. Девочка отвлеклась от телефона.

— А вам сколько лет? — вдруг спросила она.

Я не ожидала подобного вопроса.

— Двадцать три.

Она кивнула.

— А это правда, что у всех сначала болит живот?

Я замерла.

— Что... прости?

— Ну, когда начинается, — она сделала неопределенный жест рукой. — У всех по-разному, да?

Вот это выдержка. Я в ее возрасте постеснялась бы поднять подобную тему. А тут ни тени смущения или стеснения. Словно она интересуется погодой.

— У всех по-разному, — осторожно ответила я.

— А вы сразу поняли, что это оно?

— Да, — выдохнула. — Обычно это сложно не заметить.

Она кивнула, задумчиво глядя в одну точку.

— Ясно.

Я почти не слушала вопросы девочки. Мои уши были там. В кабинете Кузьмина. Я медленно поднялась, сделав вид, что поправляю папки на столе. Подошла ближе, уронила ручку и наклонилась, будто за ней. Но на самом деле прислушивалась.

Разговор был явно напряженным. Мужской и женский голоса звучали отрывисто и недовольно.

— ...Еще нужно доказать отцовство, — долетело до меня.

Ответа я не слышала, но тон беседы оставался прежним.

— ...Я не дам себе сесть на шею! — эту фразу Кузьмина слышала не только я.

— А если я не хочу детей, есть же какие-то таблетки? — прилетело мне в спину.

— Да, есть, — ответила на автомате, быстро поймав себя

на том, что не должна ничего советовать чужому ребенку. — Но ты лучше поговори об этом с мамой.

— Мама все время занята мелким, — пробубнила она.

— ...Останься человеком, Егор! Ты сам потом пожалеешь!

Вместе с последними словами дверь в кабинет Кузьмина распахнулась, и я едва успела отпрянуть.

— Варя, идем, — женщина позвала дочку и быстрым шагом направилась на выход. — Твой папа Егор сведет меня с ума!

Да что тут, черт возьми, происходит?!

Глава 4. Егор

Я сидел за столом, уставившись в экран ноутбука, но не видел ни строчки. Текст расплывался, буквы теряли очертания, превращаясь в бессмысленный набор символов. Документы, которые еще вчера были логичными и четкими, сейчас не вызывали ничего, кроме раздражения.

Я не думал о работе. Мысли упрямо возвращались к корпоративу в ночном клубе. К барной стойке. К люльке, поставленной на нее так же буднично, как ставят стакан с виски. И к фразе, которая до сих пор звенела в голове, словно ее не произнесли, а вбили молотком.

Это твой сын!

Я провел ладонью по лицу, на секунду закрыв глаза и с силой надавив на них, словно так можно было стереть последние несколько дней. Но нет. Реальность никуда не делась.

Черт.

Это был абсурд.

Глупый, нелепый, совершенно чужой мне сценарий жизни, в который я каким-то образом оказался втянут.

Я откинулся на спинку кресла и уставился в потолок, чувствуя, как напряжение медленно расползается по телу. Я не был готов к появлению ребенка в моей жизни. Ни морально, ни физически, ни как-либо еще. Существо, которое полностью ломает привычный порядок жизни, требует постоянно-

го внимания, не подчиняется никакой логике и существует по своим законам. Это я знаю от сестры.

Я никогда не строил иллюзий насчет семьи, но если и представлял себе, то точно не так. Не со встречи в ночном клубе. Я хотел иначе. Спокойно и осознанно. С женщиной, которую буду уважать. Возможно, даже любить. С нормальной, черт возьми, последовательностью событий. А не с сюрпризом в виде младенца, которого тебе просто вручают, как пакет с забытыми вещами после бурной ночи.

Я резко выдохнул и сжал пальцы в кулак.

Саша. Имя отозвалось внутри неприятной тяжестью. Продуманная. Хитрая. Я бы сказал, беспринципная. Умела играть, оставляя ощущение, что ты сам принимаешь решения, хотя на самом деле уже давно идешь туда, куда нужно ей.

Я безрадостно усмехнулся. Роман с ней был ошибкой. И я это понимал еще тогда. Просто не сразу вышел из отношений, потому что она умела держать и была замужем... Я никогда не был моралистом. Не строил из себя правильного. Не пытался соответствовать каким-то идеальным стандартам. Но спать с замужней женщиной — это был перебор. Грязно и не нужно.

Вокруг было достаточно свободных девушек. Простых. Понятных. Без двойного дна. Но меня потянуло именно туда. В говнецо. И теперь, похоже, я расплачиваюсь. Если это вообще мой ребенок...

А если нет? Я выпрямился, упершись локтями в стол. Ес-

ли это просто игра? Попытка повесить на меня ответственность? Саша могла. Еще как могла. Но ее трудно назвать душой. Она должна была понимать, что я сотру ее в порошок, если захочу.

Я открыл глаза и уставился в темную столешницу взглядом, но мысль уже зацепилась и не отпускала. А если мой? В груди что-то неприятно сжалось. Тогда что? Я не представлял себя отцом. Это была какая-то далекая перспектива, размытая и не имеющая конкретных очертаний. Когда-нибудь. Но точно не сейчас. И уж точно не так.

Я снова откинулся в кресле, чувствуя, как внутри нарастает смесь раздражения и злости. Сюрприз под новый год! Я резко подался вперед и уперся локтями в стол. Нет. Сначала факт отцовства, а уже после мучения совести.

На экране никаких уведомлений. Я машинально обновил вкладку почты, палец сам скользнул по тачпаду, курсор дернулся, страница перезагрузилась. Ничего. Я сделал это снова. И еще раз. Мне обещали результат сегодня!

Я откинулся на спинку кресла, но тут же снова подался вперед, не в силах сидеть спокойно. Тело требовало движения, хотя смысла в этом не было никакого.

Вчерашний день всплыл в памяти обрывками. Встреча с Гориным Олегом в частной клинике. По документам он все еще считался отцом ребенка. Именно он дал разрешение на пробы. На развод Горин подал сразу, как только вскрылся роман. Я тогда не удивился. Любой бы подал.

Я снова перевел взгляд на экран и обновил почту. Пусто.
— Да когда уже?! — процедил сквозь зубы.

Внутри все было натянуто, как струна. Я переключился на другую вкладку, вернулся обратно, снова обновил страницу, и в этот момент раздался стук. Я резко повернул голову. Дверь приоткрылась, и в проеме появилась Злата.

Только ее сейчас не хватало.

Она осторожно прикрыла за собой дверь и остановилась у стола. Что-то говорила, я видел, как двигаются ее губы, но смысл до меня доходил не сразу. Слова будто проходили мимо.

— ...Я уточнить хотела по делу, — наконец уловил я.

Медленно поднял на нее взгляд. Она стояла, чуть наклонив голову, с этим своим вежливым выражением лица, почти невинным. Словно не понимала, что сейчас не время.

— Какому делу? — спросил я, уже чувствуя, как внутри поднимается раздражение.

Она начала объяснять с сотворения мира. С деталями, которые сейчас казались лишними. Озвучивая вопросы, которые можно было решить и без меня. Я слушал и не слушал одновременно. Мысли снова ускользали. К правому верхнему углу экрана, где должно было появиться уведомление.

— ...И я подумала, может, лучше согласовать с вами...
— продолжала она.

Я резко выдохнул.

— Злата.

Она замолчала.

— Это можно решить без меня.

Пауза.

— Но я не уверена, что...

— Тогда разберись, — отрезал я, не повышая голос, но вкладывая в слова все накопившееся раздражение.

— Хорошо. Так и сделаю, — девушка сделала несколько шагов к двери, а потом остановилась и вновь заговорила: — Я вчера случайно нашла одно дело в архиве.

— И что?

— Как по мне, вердикт вынесли несправедливый.

— И как ты это определила? — уточнил я, не понимая, зачем вообще продолжаю ненужный разговор.

— Ну это же несправедливо, когда человек виновен, но он не получает то, что заслужил.

— И? — коротко бросил я.

Злата сделала шаг ко мне. В ее голосе впервые за все время работы появилась не аккуратная вежливость, а что-то живое.

— Девочке тринадцать лет. Она ехала на самокате. Ее сбила машина.

Я молчал.

— И водитель получил условный срок, — продолжила она, и в каждом слове начала проступать злость. — И компенсацию, которой не хватает даже на нормальную реабилитацию.

Я чуть прищурился.

— Дальше.

— Дальше? — она даже усмехнулась, но без капли веселья. — Дальше девочка в инвалидном кресле. Навсегда, скорее всего. А он... — она дернула плечом. — Он живет своей жизнью.

Я откинулся в кресле, скрестил руки на груди и посмотрел на девушку уже внимательно.

— И ты решила, что это несправедливо, — спокойно подвел я.

— А это справедливо? — резко вскинулась она. — По-вашему, это нормально?

Я выдержал паузу.

— Это законно.

Она дернулась, будто я ее ударил.

— Законно? — переспросила с недоверием. — Вы сейчас серьезно?

— Более чем, — ответил я ровно. — Ты читала материалы дела?

— Читала.

— Тогда читай внимательнее.

Я чуть подался вперед, опираясь локтями о стол.

— Девочка тринадцати лет выехала на проезжую часть на электросамокате, который она арендовала по карте матери.

Она замерла.

— Это нарушение, — продолжил я. — По правилам ее

там вообще не должно было быть.

— Она ребенок!

— Она участник дорожного движения, — спокойно поправил я. — И это фиксируется.

Злата сжала губы.

— Водитель двигался в пределах разрешенной скорости, — добавил я. — Камеры это подтвердили.

— Он все равно ее сбил!

— Потому что не успел среагировать, — отрезал я. — Девочка выехала резко. Из-за припаркованной машины. В слепую зону.

Она молчала, но взгляд стал жестче.

— У него не было судимостей. Положительная характеристика. Работа. Семья. Двое детей.

Я видел, как она сжимает пальцы.

— Он сам вызвал скорую, — добавил я. — Остался на месте. Сотрудничал со следствием. Полностью признал вину.

Тишина.

— И добровольно выплатил часть компенсации еще до суда, — закончил я.

Злата медленно покачала головой.

— И это все... — тихо произнесла она, — перевешивает сломанную жизнь?

Я смотрел на нее спокойно.

— Это называется смягчающие обстоятельства.

— Это называется отмазка, — жестко ответила она.

— Это называется работа адвоката.

Она замерла.

— Вы защищали его, да? — спросила уже тише.

Я не стал отводить взгляд.

— Да.

— Значит, вы помогли ему уйти от нормального наказания, — сказала она.

Я покачал головой.

— Я помог суду учесть все обстоятельства.

— Удобная формулировка, — скривилась она.

— Реалистичная, — поправил я.

Я выпрямился, убирая руки со стола.

— Суд не выносит решения на эмоциях, Злата. Он работает с фактами.

— Факты не возвращают людям ноги, — бросила она.

— И реальный срок водителю их тоже не вернет. Зато лишит семью отца и мужа.

Она дернулась, будто хотела что-то сказать, но остановилась.

Я продолжил уже жестче:

— Ты хочешь справедливости? — спросил я. — Тогда сначала определись, что это для тебя.

Она молчала.

— Наказать? Или компенсировать лечение? Потому что это разные вещи, — добавил я.

Злата стояла неподвижно, но я видел, внутри у нее все

кипит. И что она так завелась? Хотя, когда я только закончил юрфак, и во мне плескался максимализм, который видел только белое и черное.

— Иногда, — сказал я уже спокойнее, — виноваты обе стороны. Просто в разной степени.

Она резко выдохнула.

— Это ребенок, — повторила упрямо.

— Все верно, — кивнул я. — И тут уже прослеживается вина родителей, что позволили ребенку двигаться по проезжей части и арендовать своему ребенку электросамокат.

Она отвела взгляд, а потом снова посмотрела на меня.

— Вы не понимаете!

Я не стал разбираться в душевных терзаниях помощницы.

— Если ты закончила, — сказал я ровно, — у меня есть работа.

Наконец Злата развернулась и ушла, а я перевел взгляд на экран, замечая всплывающее уведомление.

Глава 5. Злата

Я вышла из кабинета, аккуратно прикрыв за собой дверь, и в приемной позволила себе хоть как-то проявить эмоции — выдохнуть сквозь зубы. Воздух словно застрял в груди. Руки заметно подрагивали, и я сжала пальцы в кулак, чтобы остановить нервный тремор.

Внутри кипело. Бурлила такая злость, что хотелось все швырять. Я опустилась в кресло, но тут же подскочила. Сидеть было невозможно. Слова Кузьмина все еще звучали в голове, накладываясь друг на друга.

Законно. Смягчающие обстоятельства. Работа адвоката. Как же это удобно!

Я прошлась по приемной, стараясь не смотреть в сторону его кабинета, но взгляд все равно упрямо тянулся туда. Сквозь приоткрытую дверь я видела его собранный мужской силуэт, снова погруженный в работу, словно ничего не произошло. Словно он только что не разложил по полочкам чью-то сломанную жизнь. Для него это просто дело. Папка. Набор фактов. Цифры. Формулировки. А для меня — это Вера! Моя младшая сестра! Девочка, что лишилась всяких перспектив.

Я на секунду зажмурилась, и перед глазами тут же всплыла больничная палата и огромные растерянные зеленые глаза.

И коляска. Чертова коляска. Я резко выдохнула и отвернулась от двери.

Он не понимает.

И никогда не поймет.

Потому что с ним такого не происходило. Потому что он не сидел ночами рядом с человеком, который не может сам встать. Потому что не слышал, как мать плачет на кухне, думая, что все уже спят.

Для него это баланс интересов. Для нас — конец нормальной жизни.

Я сжала губы, чувствуя, как внутри поднимается новая волна злости.

Как же мне хотелось его задеть. Чтобы он хоть на секунду потерял свое спокойствие. Чтобы почувствовал, как это — когда что-то идет не по плану. Когда ты не контролируешь ситуацию. Когда тебе просто плохо.

Я резко схватила сумку.

— Я на пять минут, — бросила в пустоту, хотя в приемной никого, кроме меня, не было.

Ответа, конечно, не последовало. Я прошла длинный коридор быстрым шагом, почти не замечая людей вокруг. Лифт. Первый этаж. Холл. Улица. Холодный воздух ударил в лицо, но не остудил. Наоборот — прибавил злости и решимости. Я спустилась к парковке, чувствуя, как внутри все дрожит. Снег под ногами тихо скрипел, машины стояли ровными рядами, и среди них его черный внедорожник. Напо-

лированный монстр. Идеальный. Как и все в его жизни. Я стояла, не отводя взгляда от машины, и чувствовала, как внутри поднимается желание взять что-то тяжелое и со всей силы швырнуть в лобовое стекло. Чтобы оно пошло трещинами. Чтобы рассыпалось. Чтобы хоть что-то из идеальной жизни Кузьмина дало сбой. Рука сама дернулась. Я быстро огляделась. Ничего подходящего. Только снег, ровные линии парковки и чужие машины, аккуратно расставленные, как на витрине. Я раздраженно пнула ближайший сугроб, и нога наткнулась на что-то твердое. Под слоем снега оказалась куча строительного мусора, обломки брусчатки, сложенные у края тротуара.

Я замерла, затаив дыхание. Наклонилась. Пальцы почти коснулись одного из камней. Он был идеального размера, с острыми краями. Я представила, как стекло трескается, как по нему расплзается паутина... и остановилась.

Нет. Слишком просто и глупо. А главное — мелко.

Я резко выпрямилась, словно меня кто-то дернул за плечо. Запрокинула голову к небу, выдохнула и еще раз посмотрела на машину.

— Жадный беспринципный козел, — выплюнула, глядя на нее, и быстрым шагом направилась обратно в здание, не давая себе времени передумать или вернуться.

Чтобы хоть как-то оправдать свою прогулку в середине рабочего дня, я зашла в кафетерий и заказала два напитка. На рабочем месте быстро сняла верхнюю одежду, аккуратно

повесила, провела ладонью по волосам, приглаживая выбившиеся из тугого хвоста прядки, и только после этого направилась к кабинету. Постучала коротко и, не дожидаясь ответа, вошла.

Кузьмин сидел за столом в той же позе, что и раньше. Я поставила перед ним кофе. Он на секунду поднял взгляд, кивнул в знак благодарности и снова вернулся к работе.

После обеда Киреева прошла быстрым шагом в кабинет Егора Алексеевича. Поздоровавшись, я замерла у своего стола, машинально поправляя папки, но на самом деле прислушиваясь. Значит, вопрос с ребенком никуда не делся. И, судя по всему, Кузьмин решил заняться им вплотную.

Прошло минут десять, может, чуть больше, когда они вышли вместе. Киреева что-то быстро ему объясняла, жестикулируя, он слушал, коротко кивал. Потом они свернули в сторону переговорных, и кабинет остался пустым. Не давая себе времени передумать, тихо проскользнула внутрь, направилась к столу и открыла ноутбук. Экран загорелся, и почти тут же высветилось поле для ввода пароля.

— Параноик! — ругнулась я.

Когда я приносила кофе, почта у него была открыта. Как бы я хотела прошерстить ее, почитав переписки.

Я быстро ввела пару вариантов пароля, которые я сфотографировала в записной книжке. Они не подходили. Возможно, я ошиблась, и этот набор букв и цифр не имеет никакого отношения к учетным записям. Попробовала еще

несколько комбинаций. Бесполезно. Пришлось закрыть ноутбук и вернуться на свое место ни с чем.

К концу дня офис начал пустеть. И когда я уже собралась уходить домой, дверь приемной открылась. На пороге стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, в идеально сидящем черном костюме. Из-под воротника рубашки выглядывал край татуировки.

— Мне к Кузьмину по договоренности, — сказал он коротко.

— Проходите, — поднялась и провела его в кабинет.

Через несколько минут я принесла две чашки кофе, надеясь услышать что-то компрометирующее, и не ошиблась.

— Мне нужно, чтобы срок был минимальный, — в голосе мужчины слышались нотки властителя мира. — Желательно условный. Но можно и поселение, — добавил он. — Рассмотрю какие угодно варианты.

По телу пробежал холодок.

— С финансированием проблем не будет, — продолжил он так же спокойно. — Если надо договориться — без вопросов. Судья, экспертиза. Называй сумму.

У меня пересохло во рту. Я медленно подняла взгляд на Кузьмина.

Слова клиента его не удивили, он продолжал сидеть, упершись локтями в стол, и слушать.

Словно слышал подобное не в первый раз.

Словно это нормально.

Я даже не заметила, как задержалась у стола дольше, чем следовало. Дернулась, когда чья-то рука легко, но ощутимо толкнула меня в бедро.

Я опустила взгляд на Кузьмина, он даже не смотрел на меня. Но жест был предельно понятен: «Уйди. Сейчас же».

Глава 6. Егор

Я не сразу понял, сколько времени просидел неподвижно, уставившись в крышку ноутбука. Экран давно погас, кабинет погрузился в вязкую, глухую тишину, нарушаемую только редкими звуками из коридора. Перед глазами медленно плыли темные пятна, как будто кто-то разлил чернила прямо по зрачкам. Я провел ладонью по пылающему лицу. В висках тяжело стучало. Я получил слишком много информации за один день, которую мозг был способен принять без перегрузки.

Я опустил взгляд на стол, на аккуратно разложенные бумаги, на идеально выровненные папки. На работе все было под контролем. А вот в личной жизни настоящая свалка.

Я медленно выдохнул, уперся ладонями в край стола и на секунду закрыл глаза, собирая остатки сил. Встать оказалось неожиданно сложно. Тело налилось свинцом. Я на автомате потянулся за пальто, накинул его на плечи, но даже не стал застегивать. Очень душно для закрытого пространства с учетом отличной вентиляции в здании.

В коридоре уже почти никого не было. Горел приглушенный свет. Я вышел на улицу. Холод ударил в лицо резко и неожиданно приятно. Я остановился на секунду, вдохнул глубже, позволяя морозному воздуху заполнить легкие. Он обжигал, но именно это сейчас и нужно было. Он отрезвлял.

Я спустился к парковке, засунув руки в карманы пальто. Снег под ногами тихо поскрипывал. Хотелось только одного: доехать до дома, что-нибудь съесть и рухнуть в кровать. Просто выключиться. Но мозг, как назло, продолжал работать.

В голове не укладывалось. Этот сверток, который мне поставили на барную стойку, как будто это обычная вещь. Он был мой. Мальчишка был мой. Результат анализа подтвердил отцовство.

Мысли вязли, не давая ни секунды передышки. Ответственность. Вот что крутилось в голове, раздражая своей тяжестью. Чего хочет Саша? Денег? Тогда сколько? Сомневаюсь, что она печется о будущем сына. Если предположить, что это так, то в максимально странной манере. Или просто хочет избавиться от лишнего груза, переложив ответственность на меня?

Но Саша никогда ничего не делала просто так.

Я почти дошел до машины, когда взгляд зацепился за что-то неправильное. Мозг был слишком перегружен, чтобы отреагировать сразу.

По лобовому стеклу расплзалась паутина глубоких трещин, местами оно осыпалось внутрь, и осколки поблескивали на приборной панели и водительском сиденье.

— Да вы издеваетесь, — выдохнул я, а потом резко выругался, уже громче, не сдерживаясь.

Я быстрым шагом подошел к внедорожнику, дернул двер-

цу, обошел ее кругом, осматривая. Капот. Двери. Боковые стекла.

— Суки!

Руки сами сжались в кулаки. Сердце забилося зло. Кто-то решил поиграть. Я резко остановился, запрокинул голову, вглядываясь в фасад здания, на котором должны быть камеры. Провел взглядом по углам, фиксируя расположение, автоматически прикидывая, какие зоны они перекрывают. Холод уже не ощущался — внутри все горело.

Вдох. Выдох.

Вдох. Выдох.

Я снова посмотрел на машину и заметил камень, лежащий на пассажирском сиденье среди осколков стекла. Открыл дверь, стараясь не задеть острые края, и потянулся внутрь. К камню была примотана бумажка. Я вытащил его, стряхнув мелкие стеклянные крошки. Лист был сложен в несколько раз.

Текст был короткий и прямой, указывающий на мою высокую моральную составляющую.

«Гондон».

Я сложил записку обратно, аккуратно положил камень на пассажирское сиденье рядом с осколками. В голове уже выстраивалась последовательность действий. Я быстро набрал номер, коротко объяснил ситуацию, продиктовав адрес, и остался рядом с машиной, засунув руки в карманы пальто. Мороз пробирался под кожу. Нужно как можно быстрее за-

просить записи с камер, проверить время, посмотреть, кто подходил.

Кто-то из клиентов? Обиженных родственников?

Или...

Мысли выстраивались в цепочку, каждая версия тут же проверялась и отmetалась. В настоящее время я не имел открытых врагов.

Казалось, от головы шел пар.

Я набрал нужный номер.

— Да, — отозвался Марк с характерной хрипотцой: он либо курил, либо только что кого-то отчитал. На заднем фоне глухие удары. — Если это не что-то срочное, я тебя пошлю.

— Срочное, — коротко ответил я. — Нужен эвакуатор. С утра.

— Ничего себе заход, — протянул он уже с интересом. — Что случилось?

— Машину разбили.

— В смысле разбили? — в голосе сразу появилась концентрация. — Ты в ДТП попал?

— Нет.

— Тогда что?

Я перевел взгляд на треснувшее стекло.

— Лобовое в хлам. Чей-то подарок.

— О-о... — протянул он уже с явным интересом. — Вот это привет.

— Не до шуток, Марк.

— Я и не шучу, — ответил он, но в голосе все равно проскользнула усмешка. — Просто пытаюсь понять масштаб твоих проблем. Ты кого умудрился так разозлить? Или это бонус за твою прекрасную работу?

— Не знаю пока.

— Ну да, конечно, — хмыкнул он.

— Марк.

— Ладно, ладно, — он чуть смягчился. — Что по машине? Только стекло?

— Вроде да. Остальное целое. Но утром надо нормально смотреть.

— Понял. Тогда без паники. Сделаем быстро. Я с утра ребят дерну, подъедут, аккуратно погрузят, отвезут. У меня как раз есть окно в одном из сервисов.

— Нужно максимально быстро.

— Парни сделают. Уверен, что тебе вообще стоит сейчас думать о стекле? Потому что если это не пацаны с района, а кто-то конкретный, — продолжил он, — то это уже другая история.

— Я разберусь, — отрезал я.

— Ты всегда так говоришь, — фыркнул он. — А потом я узнаю, что ты влез куда не нужно.

— Я не влезаю. Я работаю.

— Угу. Конечно, — он усмехнулся. — Работа у тебя такая, людям жизнь ломать. Вот кто-то и решил ответить. Слушай, — продолжил он спокойнее, — ты хотя бы понимаешь,

откуда ветер?

— Пока нет. Камеры посмотрю.

— Не тяни. Такие вещи лучше сразу раскручивать, пока горячо.

— Уже вызвал полицию. Есе не говори.

— Мог бы и не предупреждать.

Следующие несколько часов растянулись в бесконечную серую полосу раздражения, холода, пробирающего до костей, и бюрократии.

Сначала ожидание. Мороз постепенно пробирался под пальто, вгрызался в плечи и поясницу, забирался под ворот рубашки ледяными пальцами. Я ходил вокруг машины короткими шагами, то останавливался, то снова двигался, пытаясь не дать телу окончательно заоченеть. Снег продолжал медленно сыпать сверху, ложась на капот, на крышу, на растрескавшееся стекло.

Наконец приехали сотрудники. Фонари, вопросы, равнодушные лица, привычные интонации людей, для которых подобные истории одна из сотен за неделю. Осмотр, фотографии, замеры, пакет для записки, пакет для камня. Я снова и снова повторял одно и то же, указывая время, место, обстоятельства. Подписывал бумаги на холодном капоте чужой машины, чувствуя, как ручка скользит в онемевших пальцах.

После этого пришлось идти к охране здания. Ночной пост пах крепким чаем и обогревателем, работающим на износ. Я писал официальный запрос на предоставление записей с

внешних камер наблюдения, указывая промежуток времени и парковочную зону. Дежурный уверял, что передаст утром руководству.

Вот только разбитое лобовое стекло нельзя было просто оставить до утра. Ночью намело бы снега внутрь.

Пришлось вызвать такси и ехать в круглосуточный хозяйственный магазин на другом конце района. Я купил плотный полиэтилен, широкий скотч, перчатки и зачем-то бутылку воды.

Вернувшись, еще минут сорок возился на парковке. Натягивал пленку поверх выбитого стекла, фиксировал края, обклеивал по периметру, снова поправлял, потому что ветер норовил сорвать все к черту. Пальцы перестали чувствовать холод и просто онемели. Скотч лип к рукам, к рукавам, к самому себе, но, в конце концов, прозрачная заплатка все-таки легла относительно ровно. Машина выглядела униженно. Дорогой внедорожник с дешевым пластиковым пластырем на лице.

Тогда я наконец сел в такси и поехал домой.

Фары резали темноту, салон тихо гудел печкой, а я сидел, откинув голову на подголовник, и чувствовал, как каждая мышца в теле наливается тупой тяжестью. В голове стучало размеренно и зло.

А вот и дом. Я открыл дверь, вошел внутрь и даже не включил верхний свет, только тусклую подсветку в коридоре. Скинул ботинки прямо у входа. Пальто упало на пол ря-

дом. Ключи полетели на консоль, не долетев пару сантиметров. Галстук я сорвал на ходу и бросил куда-то в сторону спальни.

До кровати дошел почти на автопилоте. Упал на спину, не раздеваясь до конца. Матрас мягко принял тело, а я накрыл лицо руками и сильно сжал виски, словно это могло удержать череп от раскола.

Казалось, если сейчас чуть сильнее моргнуть — голова просто треснет на части.

Я лежал в темноте, слыша, как в ушах тяжело пульсирует кровь. Каждый удар отдавался внутри тупой вспышкой боли. Левая нога подергивалась от перенапряжения, мышцы сводило после нескольких часов на морозе. Я вытянул ее, помассировал бедро и икру через ткань брюк, чувствуя плотную каменную усталость и старые рубцы от десятка операций. Не открывая глаз, потянулся к тумбочке. Нащупал упаковку таблеток, едва не уронил, вытряхнул одну на ладонь. Следом бутылку воды. Горький привкус на языке, несколько глотков — и я снова опустился на подушку.

Пульсация в висках начала медленно отступать, напряжение отпускало тело сантиметр за сантиметром. Последней мыслью мелькнуло лицо ребенка и треснувшее стекло внедорожника. Потом темнота накрыла мгновенно.

Меня выдернул из сна настойчивый телефонный звонок. Не мелодия — сверло. Резкая, повторяющаяся, вгрызающаяся прямо в череп. Я дернулся, открыл глаза, не понимая,

почему в комнате светло. Голова оставалась тяжелой, будто за ночь внутрь набили мокрых опилок.

Телефон продолжал вибрировать где-то рядом. Я нащупал его на кровати и ответил, даже не посмотрев на экран.

В ухо тут же ворвался голос Златы. Быстрый и звонкий. Она тараторила без пауз, сообщая, что меня уже двадцать минут ждут клиенты, что они нервничают, переглядываются, смотрят на часы и, судя по всему, готовы уйти в любую секунду.

Я сел на кровати. Комната качнулась.

Черт. Похоже, я вырубился, что не услышал ни одного будильника.

— Еду, — прохрипел и сбросил вызов.

Тело протестовало против любого движения. Нога отозвалась тупой знакомой болью, когда я встал. Я выругался сквозь зубы и пошел в ванную.

Холодная вода ударила в лицо. Я несколько секунд стоял, опираясь руками о раковину и глядя на свое отражение. Помятое лицо, темные круги под глазами, двухдневная щетина и уставший взгляд.

Душ принимать было некогда. Я быстро почистил зубы, умылся еще раз, пригладил волосы мокрой ладонью и вернулся в спальню. Свежая рубашка. Брюки. Первый попавшийся свитер поверх. Пальто. Нога дернула, когда я наклонился за носками.

— Твою мать, — пробормотал я, открывая тумбочку и

доставая обезболивающее.

Через сорок минут я входил в приемную.

— Доброе утро, — излишне радостно поприветствовала Злата. Внимательно осмотрела меня с ног до головы. — Клиенты уже ушли. Сказали, будут искать другое агентство. Ваш подход им не нравится, — уголки пухлых губ дернулись в улыбке. И мне показалось, что во взгляде мелькнуло что-то похожее на удовлетворение, которое она тут же спрятала. — Извините, — добавила мягче. — Я старалась их удержать.

— Не сомневаюсь, — ответил я, понимая, что упустил довольно важного клиента.

Злата помолчала секунду.

— У вас все хорошо? — спросила она неожиданно заинтересованно.

— Замечательно, — сухо ответил я и прошел мимо помощницы в кабинет.

Глава 7. Злата

Егор Алексеевич прошел мимо и с силой захлопнул дверь кабинета. Стекло в перегородке дрогнуло. Я вскинула брови и промолчала, проглотив возмущение.

Настроение у босса, судя по всему, было хуже некуда. И, если честно, эта мысль неожиданно согрела лучше утреннего кофе. Я села за стол и сделала вид, что погружена в рабочие письма. На самом деле прислушивалась. За дверью некоторое время стояла тишина, потом послышались шаги, шум отодвигаемого кресла, короткий глухой удар, словно на стол бросили папку.

Прекрасное начало дня.

Просто шикарное!

Я улыбнулась и открыла таблицу с расписанием встреч. Клиент, который ушел, был действительно важным. Один из тех, кто приходит не за бесплатной консультацией, а с пачкой документов и крупным гонораром. Потерять такого — значит получить проблемы. И Егор Алексеевич их получил.

Минут через двадцать в приемную вошел человек, при виде которого хотелось вытянуться в струнку и смотреть строго перед собой. Вячеслав Львович Сизов. Владелец агентства. Я видела его всего пару раз, но забыть было сложно. Поджарый, чуть с сединой, с жесткой осанкой, привыкший, что двери открываются раньше, чем он к ним подходит.

— Доброе утро, Вячеслав Львович, — быстро поднялась я.

Он коротко кивнул, не задержав на мне взгляд.

— У себя?

— Да.

Больше ничего не спрашивая, направился прямо к кабинету Егора Алексеевича, распахнул дверь без стука и вошел.

Я медленно опустилась обратно в кресло.

— О-о-о, — выдохнула взволнованно.

Это уже было интересно.

Дверь закрылась не плотно, и спустя несколько секунд из кабинета донесся приглушенный, но отчетливо жесткий голос Сизова. Слова сначала тонули в посторонних звуках, потом стали различимее. Он отчитывал Егора. Спокойно, без крика, но так, что даже у меня между лопатками неприятно похолодело. За сорванную встречу. За потерянного клиента. За то, что люди такого уровня не ждут по полчаса в приемной, пока молодой партнер изволит выспаться или решить свои личные проблемы.

Я опустила взгляд и прикусила губу, скрывая рвущуюся улыбку. Внутри разливалось сладкое, почти детское удовлетворение. Наконец-то кто-то разговаривал с Егором Алексеевичем тем тоном, которым он обычно позволял себе говорить с другими.

За дверью что-то гроыхнуло. Кажется, Вячеслав Львович ударил ладонью по столу. Потом я отчетливо расслыша-

ла слова о том, что, если он, Сизов, и муж родной сестры Егора Алексеевича хорошие друзья, это не значит, что Егор может вести себя безответственно и прикрываться связями.

Как я и думала. В карьере сыграли роль не только деньги. Талантливый мальчик с амбициями воспользовался правильными знакомствами. Конечно. А я-то думала, как в таком возрасте можно так высоко взлететь.

Голос Сизова снова стал тише, но тон не менялся. Металлический, без намека на поблажку. Он явно не собирался щадить любимчика. Я переложила бумаги на столе, чтобы занять руки. Сердце билось неожиданно бодро. Странное чувство. Словно справедливость сегодня все же решила заглянуть в офис. Пусть и ненадолго.

Я представила напряженное лицо Егора Алексеевича по ту сторону двери и улыбнулась еще шире. Он вынужден молчать и слушать. Прекрасный день. Прекрасный!

После разговора с Сизовым Егор Алексеевич не выходил. Дверь его кабинета почти не открывалась, только иногда доносился сухой стук клавиш, короткие телефонные реплики и шелест бумаг. Он работал, явно пытаясь все исправить.

Я тоже перебирала документы, отвечала на письма и создавала видимость полной занятости. На деле же мысли крутились совсем в другом месте. В сумке лежал телефон, а в нем номер хирурга, что я сфотографировала в блокноте Кузьмина.

Каждый раз, когда рука тянулась к сумке, сердце начинало

колотиться быстрее. А если сбросит вызов или не возьмет? А если спросит, откуда у меня контакт? Что я должна отвечать? Но ради Веры я переступила через многие принципы. Переступлю и сейчас.

До обеда я терпела. Уговаривала себя, что с утра у хирурга наверняка операции, обходы, пациенты. Такие люди не сидят с телефоном в руках, ожидая звонка от незнакомки. После обеда шанс спокойно поговорить был выше.

Когда время перевалило за два, я поднялась из-за стола и ровным голосом сообщила, что спущусь за кофе. Егор Алексеевич даже не поднял головы.

Тем лучше.

Морозный воздух бодрил, щеки пощипывало, а внутри дрожало от напряжения. В кофейне я заказала латте, забрала и отошла к дальнему столику у окна. Поставила стакан, достала телефон и несколько секунд просто смотрела на экран. Палец завис над номером. Сейчас или никогда. Я нажала вызов. Гудок и еще один. В груди холодок.

— Да, слушаю.

Я так растерялась, что едва не забыла собственное имя. Быстро представилась, извинилась за беспокойство и начала сбивчиво объяснять, что номер мне дал Кузьмин Егор Алексеевич. Что у меня младшая сестра. Что нам очень нужна консультация. Что мы готовы на онлайн-формат, готовы прислать все снимки, выписки, результаты обследований. Что угодно, лишь бы он посмотрел. Я говорила торопливо,

боясь, что меня остановят на полуслове, но мужчина не перебивал и выслушал до конца.

А потом очень просто, без каких-либо ссылок на занятость, сказал, что никаких проблем нет. Пусть я пришлю документы на почту, он обязательно посмотрит. И если я знакомая Егора, то тем более постарается помочь как можно быстрее. На секунду меня словно оглушили, я перестала слышать музыку, разговоры и звук кофемашины, а потом рассыпалась в благодарности. Я поблагодарила его, наверное, раз десять. Когда звонок закончился, я еще сидела неподвижно, глядя в окно на проходящих мимо людей. А потом мне захотелось вскочить, выбежать на улицу и позвонить маме, рассказать радостную новость. Хотелось плакать и смеяться одновременно.

Неужели за долгое время что-то сдвинулось с мертвой точки? Даже серое здание агентства сейчас казалось не таким отвратительным. Даже Егор Алексеевич на мгновение перестал раздражать. Потому что сегодня, сам того не зная, он сделал для Веры больше, чем все остальные за последние месяцы.

Я возвращалась в офис словно на крыльях. Хотелось прыгать и кружиться, улыбаться прохожим и желать хорошего дня. Внутри все дрожало от счастья, от облегчения, от внезапного ощущения, что мир не всегда ужасен и несправедлив.

Даже мороз казался не таким кусачим. Снег под ногами

приятно поскрипывал, а серое небо выглядело просто зимним, а не безнадежным.

Я толкнула стеклянную дверь здания, вошла в просторное фойе, и почти сразу мое приподнятое настроение споткнулось о знакомую фигуру. Егор Алексеевич нависал над стойкой охраны. Мужские плечи напряжены, одна рука в кармане брюк, другая резко жестикулирует. Даже со спины было видно, насколько он зол. Рядом мялся дежурный охранник. Невысокий мужчина лет пятидесяти с красным лицом что-то суетливо объяснял, показывая на экран монитора.

— Как это не видно? — голос Кузьмина разнесся по фойе достаточно громко, чтобы обернулись двое у лифта. — У вас вся парковка в камерах!

Я невольно замедлила шаг. Охранник что-то быстро бормотал, разводя руками.

— Там снег шел. Качество записи. Угол обзора. И фургон стоял поперек.

— Меня не интересует, как стоял фургон, — резко перебил Егор. — Меня интересует, почему на платной охраняемой стоянке можно спокойно разбить машину и покинуть ее незамеченным?

Кузьмин контролирует себя, больше не повышал голос, но вот тон не обещал ничего хорошего. Я делаю вид, что ищу что-то в сумке.

— Мы уже запросили архив с другой камеры, — торопливо оправдывался охранник. — Там, может, попадет...

— Может? — Кузьмин коротко усмехнулся. — Значит, запросите с соседнего здания. Я хочу полную выгрузку всех записей за вечер, — продолжал он. — И фамилии тех, кто вчера был на смене. Хочу сегодня. Не завтра.

Охранник закивал быстро.

— Тут, — он вновь показывает на экран, — видно только вот.

Кузьмин поворачивается ко мне боком и въедливо всматривается в запись, которую я, к сожалению, не вижу.

— Покажи еще раз, — просит, склонившись к столу. — Понял. Этот кусок скиньте на диск.

Егор Алексеевич резко повернул голову, и наши взгляды встретились. Я тут же сделала вид, что ничего не слышала, приветливо улыбнулась, вызывая лифт. За спиной снова раздался злой, отрывистый голос.

Я успела войти в кабинку, нажала кнопку нужного этажа и повернулась лицом к дверям, когда между сходящими-входящими створками появилась мужская ладонь. Двери дернулись и впустили Кузьмина. Когда он закончил отчитывать охрану и догнал меня?

Мужчина нажал кнопку закрытия дверей, развернулся ко мне всем корпусом, и кабинка вдруг показалась невыносимо тесной, хотя с легкостью вмещала десять человек. Я растянула губы в привычной вежливой улыбке.

Босс не ответил, продолжал сканировать меня. Невыносимо медленно, от носов обуви до самой макушки, не оставляя

и сантиметра тела без внимания.

— Ты ничего не хочешь сказать? — спросил он наконец.

Я растерялась. Первая мысль взорвалась ярким фейерверком в голове. Неужели узнал о звонке хирургу? Но как? Мы с ним разговаривали не больше десяти минут назад. Тот перезвонил Кузьмину и уточнил какую-то информацию? Или отчитал, чтобы Егор Алексеевич больше не давал номер телефона? Если даже и так, признаваться в чем-либо я не собиралась, иначе придется объяснять, где я взяла номер телефона.

Я медленно покачала головой и произнесла:

— Нет.

В следующую секунду Егор Алексеевич ударил по какой-то кнопке на панели, и лифт дернулся, остановившись между этажами.

— Что вы делаете?.. — выдохнула я.

Ответом стал рывок. Мужчина приблизился, заставив отступить, пока спина не уперлась в холодную стенку кабины. По обе стороны от моей головы с глухим звуком легли его руки, отрезая путь к отступлению.

— Прекратите меня запугивать, — попросила я, облизав губы и откашлявшись.

Я никогда его не видела настолько близко и впервые заметила цвет глаз. Не просто карие. В них был глубокий зеленый оттенок, напоминавший темное стекло бутылки. Красивый и совсем не подходящий его мерзкому характеру. На мгно-

вание мысль сбилась в какую-то ненужную сторону, когда я отметила приятный мужской парфюм.

— Злата, — прорычал он, мгновенно разбивая нелепую романтическую чушь в моей голове. — Признайся, что это сделала ты!

Я моргнула.

— Что я сделала? — спросила я испуганно, рефлекторно сжимая стакан с кофе. Горячий латте словно взорвался в моих руках, щедро окатив босса от солнечного сплетения до самых колен. Светлая рубашка потемнела мгновенно, по брюкам потекли коричневые потоки.

— Простите, — пробормотала я, переминаясь с ноги на ногу, с хрустом наступая на крышку, слетевшую со стаканчика.

Егор Алексеевич даже не вздрогнул. Секунду стоял неподвижно, глядя вниз, потом он очень медленно поднял голову. Лучше бы он закричал на меня, потому что ледяное выражение лица пугало до чертиков.

— Простите, — повторила я слабее, втягивая голову. — Это случайно.

Он опустил руки, которыми перекрывал мне путь, посмотрел на испачканные брюки и выдохнул сквозь зубы.

— Случайно, — произнес с сарказмом.

— Конечно, случайно. Я испугалась.

— Испугалась? — он сделал шаг назад. — Интересная реакция, и поэтому ты решила меня облить.

— Я не решала!

— Ну, разумеется. У тебя все происходит само.

Я судорожно потянулась к кнопке лифта, но Егор перехватил мою руку.

— Не дергайся.

— Мне больно.

Он сразу отпустил запястье.

— Тогда отвечай.

— Да что я должна сказать? Я вообще не понимаю, что происходит!

— Не понимаешь? — он усмехнулся. — Вчера мне разбили машину. На записи женская фигура, невысокая, похожая на тебя.

— Это не я, — сказала я.

Он подался вперед и прошептал:

— Врешь плохо, Злата.

Я выпрямилась, перестав вжиматься в стенку.

— Да, я вас не люблю. Да, я считаю вас самовлюбленным, холодным и...

— Продолжай.

— ...И человеком с отвратительным характером. Но машину я вам не разбивала.

Он смотрел еще несколько секунд, потом резко отвернулся и нажал кнопку. Последние этажи мы поднимались в гробовой тишине. Когда двери открылись, Кузьмин небрежно бросил:

— Если соврала — пожалеешь.

Я вспыхнула.

— Господи, какой псих!

Глава 8. Егор

Я с силой хлопнул дверью под невнятные объяснения моей помощницы.

— Это была не я! Хотя я думала об этом! Но была не я!.. Она издевается?! Что она несет?!

Я выдохнул сквозь зубы, провел ладонью по лицу и остановился у стола. Внутри все еще kloкотали усталость и раздражение, перемешанные в один плотный коктейль. И этот дурацкий запах кофе, въевшийся в рубашку, только подливал масла в огонь. Я расстегнул несколько верхних пуговиц. Опустил взгляд к брюкам и выдохнул:

— Да бля-я-я.

В кабинете была сменная рубашка, но вот сменных брюк не оказалось. Пришлось затирать следы кофе влажными салфетками.

— Идиотка...

От Златы были одни проблемы. Суетливая, совершенно несобранная и не скрывающая презрения ко мне. Я опустил-ся в кресло и уставился на стол. Вряд ли я смогу сегодня работать. Прикрыл глаза и растер виски.

Голову не покидали мысли о пацане. Мне кажется, я и не спал толком. Сын. Само слово вызывало отторжение. Наверное, в перспективе я бы хотел сына. Но сейчас нет. Только результат анализа был однозначным. Без вариантов. Маль-

чишка мой. Я не был готов к отцовству. Ни сейчас. Ни вчера. Ни, черт возьми, в ближайшее время.

Ребенок — это не пункт в договоре, который можно отредактировать. Это постоянная переменная, которая ломает весь привычный порядок. Ответственность. Чего от меня хочет Саша? Денег? Логично. Самый простой вариант. Скинуть содержание, избавиться от хлопот и жить дальше.

Но есть конкретная проблема, которую я уже умудрился создать сам. Клиент. Я потянулся к телефону, быстро пролистал контакты и нашел нужный номер. Несколько секунд смотрел на экран, прокручивая в голове варианты разговора. Такие люди не любят оправданий. Им нужен результат. Я нажал вызов.

— Да? — голос холодный, уже настроенный на отказ.

— Добрый день, это Кузьмин, — произнес я спокойно, выравнивая интонацию. — Хотел извиниться за сегодняшнюю ситуацию.

— Мы уже все обсудили с вашей помощницей.

— Понимаю, — кивнул я, хотя меня никто не видел. — И именно поэтому звоню лично, — я продолжил, не давая разговору оборваться: — Вы правы. Ожидание было недопустимым. Это полностью моя ответственность. Но я предлагаю не принимать решение на эмоциях, — добавил тверже. — Давайте встретимся сегодня. В любое удобное для вас время. Я готов подъехать.

Тишина на линии затянулась. Я ждал.

— Сегодня, — наконец произнесли на том конце, — в шесть.

— Отлично.

— Не опаздывайте.

— Буду ровно в шесть.

У меня появился шанс, и осталось только не облажаться снова. Нужно было подготовиться к встрече и успеть сменить брюки. В таком виде точно не стоит появляться на деловой встрече, даже в надежде вызвать жалость. Юрист, вызывающий жалость – последнее, что хочет видеть человек.

Я поднялся из-за стола, взял пиджак и на секунду застыл, глядя на отражение в стекле шкафа. Вид, мягко говоря, был так себе. Ладно. Не до идеала. Я вышел в приемную, поправляя часы на запястье. Злата подняла на меня взгляд мгновенно, словно только и ждала моего появления.

— Я уеду раньше, — сказал я коротко, не останавливаясь. — Если будут спрашивать, то я на выезде у клиента. Важная встреча.

Она кивнула и произнесла.

— Я с вами поеду.

Я сбавил ход.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это не учебная экскурсия, — сухо ответил я. — Это клиент, которого я потерял. И второго шанса не будет.

— Вот именно! — она даже выпрямилась. — Поэтому я и должна поехать. Я ваш помощник.

— Ты помощник в офисе.

— Я помощник вообще, — упрямо перебила она. — И как я должна набираться опыта, если вы меня никуда не берете?

Я устало провел рукой по затылку.

— Злата...

— Я буду молчать, — быстро добавила она. — Сидеть тихо. Записывать. Не мешать. Честно.

Я посмотрел на нее, и, черт возьми, сейчас у меня не было времени на лишние споры. И да, она права. Выездная практика очень важна.

— Ладно, — сказал я. — И если ты хоть слово скажешь не вовремя, это будет твой последний рабочий день.

— Спасибо. Я не подведу.

— Посмотрим, — буркнул я и достал телефон, чтобы вызвать такси.

Через двадцать минут мы ехали по адресу. Я молчал, прокручивая в голове аргументы, возможные вопросы, варианты давления и варианты уступок. Злата притихла. Редкое явление.

— А куда мы едем? — уточнила она, когда машина свернула в коттеджный поселок.

— Ко мне.

— Зачем? — ужаснулась и посмотрела на меня.

— Ну ты же личная помощница, — сделал ударение на

слове «личная», — вот ты мне сейчас и поможешь.

— Что?! Это же шутка? — девушка заерзала, ища взглядом поддержки у водителя. — Шутка? — повторила с нажимом.

— Успокойся, ты не в моем вкусе. Мне нужно сменить брюки. Кстати, по твоей вине.

— А, — выдохнула она, — да. Извините.

На смену одежды я потратил минут десять, не больше. Злата ожидала в такси и приняла оскорбленный вид, демонстративно взглянув на часы, когда я вернулся.

— Ты могла и не ехать, — напомнил я.

Машина остановилась у нужного здания, я расплатился и вышел. Злата выскочила следом и отбежала, доставая телефон и отвечая на вызов. Она повернулась ко мне спиной и быстро-быстро заговорила.

— Нет времени на болтовню, — произнес я, проходя мимо.

Девушка подарила мне злой взгляд, сунула телефон в карман и побежала, не успевая за быстрым шагом, которым я шел.

— Егор Алексеевич, — начала она, избегая прямого взгляда. — Можно я не пойду?

— В смысле? — я словно споткнулся. Остановился и посмотрел на нее.

— Мне нужно уйти. Срочно.

— Ты издеваешься?

Она дернулась, как от удара.

— Нет, я...

— Ты сама напросилась на эту встречу, — перебил я жестко. — Потратила мое время. Мы сюда ехали вместе. И сейчас ты говоришь, что передумала? А как же набраться опыта?

— Я не передумала, — быстро сказала она. — Просто.

— Просто что? — я скрестил руки на груди. — Будь добра, перенеси свое свидание на более позднее время.

Она вскинула голову.

— Да какое свидание?!

— Тогда объясни нормально, что произошло?

Злата сжала губы и спустя несколько секунд сомнений выдохнула:

— У меня проблемы в семье, понятно? Мне нужно домой. Сейчас.

— Иди, — согласился я, не желая сейчас выяснять отношения. Смысл тратить время на выяснение обстоятельств, если от этого ничего не изменится.

— Правда?

— Похоже, что я шучу? — холодно ответил я. — Иди, Злата.

— Спасибо, — бросила на ходу и осмотрелась в поисках остановки. — Мне туда, — указала тонким пальчиком.

Я проводил ее взглядом ровно до того момента, пока она не растворилась за углом. Отлично. Минус лишний отвлекающий фактор.

Я толкнул дверь и вошел внутрь, на ходу переключаясь в рабочий режим. Просторный холл, дорогая отделка, тишина. Клиент был из тех, кто ценит комфорт и результат, а значит, и разговор предстоял соответствующий.

Переговоры пошли сразу, без лишних вступлений. Жестко, по делу. Я выложил аргументы, обозначил риски, предложил стратегию. Клиент слушал внимательно, задавал точные вопросы, не перебивал. Все шло ровно. До того момента, как я потянулся к портфелю за документами. Папка с распечатанной стратегией дела осталась у Златы.

Я ее уничтожу! Просто уничтожу! И займусь этим с утра!
— Сегодня же вечером предоставляю вам пакет документов на почту, — произнес я спокойно, будто так и было задумано. — А пока озвучу основные моменты.

Я продолжил говорить, уже полностью полагаясь на память. Встреча прошла лучше, чем я мог рассчитывать. Я покинул здание с огромной вероятностью, что мне перезвонят. У лифта достал телефон, на котором предусмотрительно включил звук, и проверил входящие звонки и СМС.

«Егор Алексеевич, кажется, ваши документы остались у меня. Надеюсь, у вас не будет проблем».

Или я был на пределе, или сообщение было полно издевки. Я смахнул его, оставив без ответа, и открыл журнал звонков. Саша. Дал себе небольшую передышку и перезвонил, когда уже подъезжал к дому.

— Нам нужно поговорить, — произнесла она без привет-

ствия.

— Сразу подготовь условия, что ты хочешь мне выставить, — ответил я.

— Договорились, — произнесла она легко. — Как жаль, Гор, что мы встретились так рано. Лет через десять ты станешь шикарным мужчиной.

— Вариантом, — я поправил ее.

— Как скажешь. Ты завтра найдешь минутку?

— Найду.

— Буду часов в десять.

— Нет. Встретимся у меня. Не хочу смешивать рабочие моменты с личными.

Глава 9. Злата

Домой я летела почти бегом. После звонка мамы внутри все сжалось в тугую ком. Всю дорогу я пыталась успокоить себя, что ничего страшного не случилось. И мама просто сорвалась. Я замерла в прихожей, едва закрыв за собой дверь. Из кухни доносились голоса.

— Я устал! — выдохнул отец тяжело. — Понимаешь ты или нет? Устал!

Я медленно сняла сапоги, стараясь не шуметь.

— Все устали, — резко ответила мама. — Но это не повод приходить домой в таком виде!

— В каком таком? — он усмехнулся зло. От его голоса у меня внутри все похолодело. В нем была ненависть. — Я что, не имею права выпить?

— Не когда дома ребенок!

— Ребенок, — отец выдохнул с горьким смешком. — У нас все теперь вокруг ребенка. Вера то, Вера это. Реабилитация, лекарства, массажи, врачи... А я? Я тоже живой!

Я застыла у стены, сумка медленно сползла с плеча и глухо упала на пол.

— Я три работы тяну, — продолжал отец, голос его срывался. — Три, Маш! На основной пашу, вечером подработки, в выходные на этом чертовом рынке. Я уже не помню, когда просто спал нормально!

— Думаешь, я не знаю? — мама почти сорвалась на крик.

— Думаешь, мне легко?

— А мне легко?! — ударил он ладонью по столу. — Я хотел лодку купить! Понимаешь? Лодку! Ездить на рыбалку по выходным, как нормальный мужик. Хоть иногда дышать. А вместо этого я таскаю ящики на рынке, потому что нам опять нужны деньги!

Я закрыла глаза. Господи, слушать слова отца было больно. Я знала, что ему тяжело, всем нам тяжело, но никто не осмеливался сказать это вслух, тем более в присутствии Веры.

— Ты сейчас винишь Веру? — голос мамы стал тихим.

— Я никого не виню, — наконец пробормотал отец. — Просто говорю, что больше не могу.

Я стояла в коридоре и не могла пошевелиться. За стеной тихо скрипнула половица. Вера тоже все слышала.

— И что ты предлагаешь? — спросила мама. — Возьми выходные. Я ведь тоже работаю.

— Ты сидишь дома.

После этих слов в кухне стало тихо, а потом мама заговорила.

— Я сижу дома? — переспросила она. — Я мою, готовлю, таскаю Веру по врачам, собираю документы, ругаюсь с фондами, работаю удаленно по ночам и сплю по четыре часа. Это ты называешь «сиду дома»?

Отец ответил невнятно. Стул закрипел по полу, мама

снова сорвалась, голоса родителей наложились друг на друга, и слова превратились в рваный шум. Я больше не хотела это слушать. Подняла сумку, прошла по коридору и тихо заглянула в комнату Веры. Она сидела в коляске возле двери. Я опустилась перед ней на колени и обняла.

Вера сначала не двигалась. Потом ее пальцы вцепились в мой свитер. Я потянулась к телефону, включила музыку погромче и положила его на тумбочку. В комнате разлилась бодрая мелодия, чересчур веселая для этого вечера. Она не заглушала крики полностью, но хотя бы размазывала их, делала менее различимыми.

— Не слушай, — прошептала я ей в волосы. — Они просто устали. Они любят тебя.

Вера дернулась.

— Не любят.

— Любят.

— Я не дура! — она резко оттолкнула меня ладонями. Глаза блестели, губы дрожали. — Я же слышала! Все из-за меня! Папа не спит из-за меня! Мама плачет из-за меня!

— Вера...

— Лучше бы я умерла!

Она выкрикнула это так громко, что музыка не спасла и в кухне мгновенно стихло.

— Никогда так не говори, — выдохнула я, но голос сорвался. — Слышишь? Никогда.

Вера отвернулась, сжав губы, слезы уже текли по щекам.

В коридоре слышались тяжелые шаги. Я ждала, что отец зайдет. Что успокоит или скажет хоть что-нибудь, извинится, обнимет ее.

— Мне надо побыть одному, — громко сообщил он хриплым голосом и хлопнул дверью.

Кажется, я сидела целую вечность, прижимая сестру к себе.

— Я с тобой сегодня посплю, — сказала тихо, проводя ладонью по ее волосам.

Она молча кивнула, уткнувшись мне в плечо. Я осторожно отстранилась, помогла ей переехать к кровати, поправила плед, подложила подушку так, как ей было удобно.

— Хочешь что-нибудь вкусненькое?

— Не-а, — она отрицательно помотала головой, и я старательно изображала бурную деятельность, боясь оставить Веру одну. Села на кровать и начала разбирать сумку. Телефон. Кошелек. Перчатки. Смятый стаканчик от кофе. Я поморщилась и бросила его в мусор.

— Черт, — выдохнула я, нащупав папку с документами, которые я должна была отдать Егору Алексеевичу перед встречей.

Он меня убьет. Я быстро набрала сообщение и отправила: «Егор Алексеевич, кажется, ваши документы остались у меня. Надеюсь, у вас не будет проблем».

Ладно. С этим разберусь завтра, больше всего меня сейчас интересовала почта. Сердце дернулось, когда я увидела

ответ от Артема Сергеевича. Я пробежалась взглядом и убедилась, что он предварительно посмотрел документы и предложил встретиться лично, чтобы обсудить возможные варианты. Указал свободные дни и время.

Я несколько секунд просто смотрела в экран, не веря в прочитанное, потом начала писать ответ.

«Добрый вечер. Спасибо вам большое. Мы можем в любое удобное для вас время. Я подстроюсь. Желательно как можно скорее».

Отправила и почти сразу получила обратную связь.

— Вер, — я позвала притихшую сестру.

— М-м-м? — отозвалась она с кровати, глядя в планшет.

— У нас завтра будет важная встреча.

— По хорошему поводу? — спросила тихо.

— Очень.

Я улыбнулась совершенно с искренней уверенностью, что у нее появится шанс на нормальное будущее. Верно говорят, что ценить жизнь учит только после несчастья, до этого момента мы все воспринимаем как должное, но стоит у нас что-то забрать — и мышление меняется. Иногда на короткий промежуток времени, иногда на всю жизнь.

Я отложила телефон, выключила верхний свет, оставив только ночник, и легла рядом с сестрой, как обещала. Некоторое время слушала ее дыхание. Оно постепенно выравнивалось, становилось глубже и мягче. Я аккуратно сползла на край, поправила одеяло и тихо вышла из комнаты. На кухне

горел свет, судя по доносящимся звукам, мама занималась готовкой.

— Спит? — спросила она, не оборачиваясь и отвлекаясь от нарезки овощей.

— Да.

Несколько секунд мы молчали. Я не знала, что сказать маме, видимо, и она не горела желанием обсуждать поведение отца.

— Я завтра после обеда возьму отгул, — сказала я. — Нам нужно поехать к врачу.

Мама обернулась и взглянула хмуро.

— К какому? У тебя все хорошо?

— У меня все отлично. Я Веру записала на консультацию к Беляеву. У меня получилось раздобыть его номер телефона, и я с ним разговаривала. Он согласился посмотреть Веру.

Мама медленно отложила нож на столешницу.

— Серьезно?

— Серьезно. Завтра после обеда будьте готовы и соберите документы.

В глазах мама сквозь усталость пробились искра желания продолжать бороться.

— Злат...

— Посмотрим, что скажет. Но это уже что-то.

Мама кивнула и отвернулась обратно к плите. Я видела, как она незаметно вытерла ладонью глаза. Я стояла еще немного, помогла разложить еду по контейнерам, а потом

вернулась к сестре. Легла рядом, уставившись в потолок, чувствуя непривычную, хоть и тревожную легкость.

Утром я бежала в офис, повторяя подготовленную речь с извинениями для Кузьмина. У меня действительно не было умысла унести документы перед встречей. Мамин звонок просто перекрыл все. Я зашла в офис, стряхивая снег с пальто, и даже не поняла, что не так. И спустя несколько секунд заметила Егора Алексеевича, сидевшего за моим столом. Он откинулся на спинку кресла, крутясь из стороны в сторону, словно ждал меня уже давно и никуда не торопился. Документы были разложены ровными стопками, я точно оставляла небольшой беспорядок. Моя кружка для кофе убрана, и карандаши лежали строго параллельно друг другу.

Он поднял на меня взгляд и поздоровался.

— Доброе утро, Злата.

— Доброе... — ответила я осторожно, чувствуя, как внутри начинает неприятно холодеть.

Мужчина наклонил голову, рассматривая меня.

— Как дела?

— Нормально.

— Правда?

Я кивнула.

Он покачнулся в кресле вперед-назад.

— Расскажи мне кое-что, — сказал спокойно. — Как ты сюда попала?

Я нахмурилась, не понимая вопроса.

— В смысле?

— В прямом, — он улыбнулся уголком губ. — Резюме. Собеседование. Кто тебя рекомендовал?

— Я сама, — ответила я, чувствуя, как напрягаются плечи. — Откликнулась на вакансию.

— Сама, — повторил он задумчиво.

Долгая пауза.

Егор Алексеевич чуть подался вперед, опираясь локтями на стол.

— И что тебя привело именно сюда?

— Работа, — ответила я. — Мне нужна была работа.

Он продолжил сверлить меня взглядом.

— А теперь второй вопрос, — произнес он мягко. — Почему ты решила меня уничтожить?

— Что?.. — выдохнула я.

— Не делай вид, что не понимаешь, — его голос приобрел ледяные нотки, от которых я нервно сглотнула слюну.

— Я ничего не делала, — выпалила зачем-то.

Он наклонился еще ближе.

— Злата.

Я выдержала его взгляд.

— Я. Ничего. Не делала.

Мужчина смотрел еще несколько секунд, а потом откинулся назад, снова покачнувшись в кресле.

— Интересно, — произнес тихо. — Ты вешай пальто. Вешай, — он указывает на шкафчик.

Я вешаю пальто, убираю шапку и шарф, меняю обувь, только вот чувствую себя, словно меня раздели догола и поставили на центральную площадь. В голове скачки из мыслей. Кузьмин брал меня на банальное слабо или он действительно что-то знал и просто решил таким образом наказать за вчерашние документы?

— Готова? — уточнил он, когда я разгладила полы пиджака.

— К чему? Если к работе, то готова.

— Иди сюда, — он поманил меня пальцем.

Я подошла к столу и остановилась.

— Нет, подойти с этой стороны, а то не увидишь, что я хочу тебе показать.

Я обошла стол на негнущихся ногах. Егор Алексеевич чуть сдвинул ноутбук, освобождая мне место, и щелкнул мышкой.

— Смотри внимательно.

На экране проявилось чуть зернистое изображение. И я узнала кабинет Кузьмина сразу. Камера стояла где-то в углу, сверху, захватывая почти всю комнату. Несколько секунд ничего не происходило. Потом дверь открылась, и в кадре появилась я.

На записи я выглядела иначе, не такой, как себя представляла. Бравой мстительницей. Напряженной, дерганой и жалкой. Я быстро прошла к столу, оглянулась, даже по видео было понятно: я проверяю, не идет ли кто.

— Узнаешь? — вкрадчиво спросил Егор.

На экране «я» уже сидела за его столом, открывая ноутбук. Пальцы пробежались по клавиатуре. Снова попытка. И еще. В тот момент я не смогла подобрать пароль.

— Продолжай смотреть, — холодно произнес он.

Запись ускорилась, теперь я наклонялась к столу, открывала его блокнот. Листала, останавливалась, вчитывалась. Доставала телефон и сделала несколько фотографий.

Я почувствовала, как холод поднимается по спине и кусает за шею.

На экране я выглядела виновной, нельзя было оправдать мои действия.

— И? — спросил Егор.

Я резко отвернулась, но он тут же вернул мое внимание легким щелчком пальцев по краю стола.

— Смотри, Злата.

Я заставила себя снова поднять взгляд, запись закончилась тем, как я закрываю ноутбук и выхожу из кабинета.

— Может, объяснишь? — спросил он.

— Я... — голос предательски сел. — Я не...

— Не что? — перебил он.

Я посмотрела в злые глаза и произнесла:

— Я не собираюсь ничего объяснять.

— Ты понимаешь, как это выглядит? — продолжил он уже жестче. — Как реальный срок за промышленный шпионаж.

Глава 10. Злата

У меня пересохло во рту и дрогнули колени. Кузьмин не врал и не брал меня сейчас на слабо, я реально могла получить срок за то, что сделала. Я обхватила себя руками, стараясь защититься и унять дрожь.

— Это не промышленный шпионаж, — произнесла громко. — Я не передавала никому информацию.

— Пока не передавала? — уточнил он ледяным голосом.

— Вообще не передавала!

Егор Алексеевич медленно поднялся на ноги. Лучше бы он сидел. Теперь он возвышался надо мной, и дышать стало тяжелее. Он выглядел не просто злым — он был готов откусить мне голову.

— Тогда объясни, — произнес он, — зачем ты рылась в моих вещах?

Я отвела взгляд, стараясь придумать правдоподобную версию.

— В глаза смотри, когда разговариваешь.

Я резко подняла голову.

— Я не хотела ничего воровать.

— Зато очень хотела что-то найти. Кто тебя подослал? — спросил он зло.

Я даже задохнулась от возмущения.

— Никто!

— Конкуренты Сизова?

— Нет!

— Кто-то из клиентов?

— Да господи, нет же!

Он шагнул ко мне, заставляя отступить.

— Тогда какого черта ты полезла в мой кабинет?!

— Потому что мне нужен был номер телефона! — выпалила я, схватившись за идею о хирурге, как за соломинку.

— Какой еще номер телефона?

Сейчас нужно было либо говорить правду, либо окончательно утону.

— Хирурга, — произнесла глухо. — Беляева Артема Сергеевича.

На мужском лице мелькнуло настоящее удивление.

— Зачем?

— У моей сестры проблемы со здоровьем, — быстро заговорила я, чувствуя, как начинает дрожать голос. — Серьезные. Мы давно пытались попасть к нему на консультацию. Но это практически невозможно. А у вас его номер был записан.

Егор молчал, и я нервно продолжила:

— Я увидела фамилию случайно. Когда приносила документы. Потом... потом вернулась. И сфотографировала его, — сказала тише. — И все.

— Все? — переспросил он негромко.

— Да.

— Ты пыталась взломать мой ноутбук.

— Я думала, контакт может быть там!

— Врать ты не умеешь.

Мне стало по-настоящему страшно и стыдно. Когда эмоции схлынули, я сама поняла, насколько дико выглядел мой поступок.

— Я не вру, — произнесла тихо. — Правда. Позвоните Артему Сергеевичу и спросите. Я ему звонила и договори-
лась о встрече. Егор смотрел на меня долго. Так долго, что
хотелось провалиться сквозь землю.

— Ты вообще понимаешь, достаточно одного звонка, что-
бы тебя отсюда вывели?

У меня внутри все оборвалось.

— Понимаю.

— И что ни одно агентство потом не возьмет тебя на рабо-
ту? Твой максимум будет где-то в погибающей государствен-
ной конторе, которая возьмет тебя вместо козла отпущения?

Я сглотнула.

— Понимаю.

Я чувствовала себя маленькой, глупой и загнанной в угол.
Егор смотрел на меня сверху вниз, и в какой-то момент в его
голосе появился намек на заинтересованность.

— Попала к Беляеву? На консультацию попала? — спро-
сил он вдруг.

— Почти, — ответила растерянно. — Сегодня после обе-
да встреча.

Несколько секунд он молчал.

— Документы с собой есть?

Я не сразу поняла, о чем он.

— Медицинские.

— Оригиналов нет. Дома. Есть копии, что я отправляла доктору.

— Покажи. Покажи, — повторил с нажимом, когда я растерянно хлопала глазами.

— Прямо сейчас?

— Нет, Злат, можно через неделю. Конечно, сейчас!

— У меня там. В телефоне.

— Ну, — он мотнул головой в сторону приемной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.